ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 86 (2469) Среда, 27 октября 1948 г. Цена 40 коп.

Да здравствует комсомольское племя!

Великий Сталин, стоявший вместе с Лениным у колыбели комсомола, говорил: «Молодежь — наша будущность, наша надежда, товарищи. Молодежь должна сменить нас, стариков. Она должна донести наше знамя до победного конца». Всеми своими делами и подвигами — ратными и трудовыми — советская молодежь оправдывала и оправдывает надежды большевистской партии, ее гениального вождя и всего народа.

Владимир Ильич Ленин завещал: «Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин». Как в годы пятилеток, так и в годы Отечественной войны, своей неиссякаемой инициативой комсомол снискал глубокое уважение и любовь народа. Сейчас, когда наша Родина идет по пути к коммунизму, инициатива и почин комсомола проявляются со все большей наглядностью. В стремлении народа досрочно выполнить план третьего решающего года послевоенной пятилетки значительная роль принадлежит молодежи. В Белоруссии руками молодых патриотов строятся двадцать три тысячи новых домов для колхозных семей. На Украине комсомольцы развернули широкий поход за электрификацию и радиофикацию сел, за постройку клубов, изб-читален, кинотеатров, парков культуры, стадионов. В борьбе советского народа за сверхплановые накопления комсомольцы Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Донбасса, Урала являются застрельщиками экономии топлива, электроэнергии, хлопка, металла. Всюду комсомольцы являются передовиками борьбы за урожай, помогают школам в воспитании подрастающего поколения, организовывают физкультурное движение.

Советское правительство и ЦК ВКП(б) приняли постановление, имеющее исключительное историческое значение, направленное к резкому под'ему культуры земледелия, к полной победе над засухой в степных и лесостепных районах Европейской части СССР. В выполнении этого грандиозного плана ленинско-сталинскому комсомолу принадлежит важное место.

И так на протяжении всей своей тридцатилетней истории комсомол всегда был в первых рядах борцов за счастье страны социализма. «...Всей своей борьбой, всем своим существованием, — говорил Сергей Миронович Киров, — комсомол действительно вписал в историю высокие, героические, подымающие, возвышающие трудящееся человечество страницы».

В эти дни торжества молодости советские писатели, поэты, драматурги, «развернув своих страниц войска», с гордостью могут сказать, что они участвовали в воспитании орлиного племени, могуче расправляющего свои крылья. Нет в советской литературе ни одного значительного произведения, в котором бы не было страниц, навеянных доблестью молодых патриотов Родины.

Советская литература неотделима от истории ленинско-сталинского комсомола. Эти два понятия немыслимы порознь друг от друга, как неотделима молодость от движения нашего народа вперед, к коммунизму. Героические подвиги молодежи, изумлявшие мир, вдохновляли творчество советских писателей. И совершенно естественно, что значительная часть произведений, выдержавших испытание временем, посвящена молодежи.

Но воспитание молодого поколения — это не только воспроизведение ее подвигов. Наши писатели и поэты создавали книги о лучших сынах большевистской партии, чей пример может служить путеводной звездой в жизни молодого человека.

Сколько замечательных строителей социалистического общества воспитано на образах Глеба Чумалова, Чапаева, Левинсона! Но молодежь воспринимала этих героев не как нечто незыблемое. Она видела в них те черты, которые нужны для большевика, как основа его характера. И, восприняв от них смелость, непреклонную волю к победе, беспредельную любовь к матери-Родине, новое поколение неизмеримо обогатило эти характеры.

Наша социалистическая действительность, изменяющая условия труда, природу, географические понятия, насыщенная пафосом вдохновенного творчества, воспитала в человеке новые качества, новые черты. С какой поистине непостижимой жаждой к знаниям живут в нашей стране юноши и девушки. Все, что было достигнуто вчера, уже не удовлетворяет их сегодня. Они смотрят далеко вперед и в этом устремлении в будущее не знают преград, которых бы не смогли преодолеть.

Вместе с преобразованием этих характеров преобразовывалась наша литература. На идеологическое вооружение комсомола и всей советской молодежи поступали новые произведения писателей, а в строй литераторов вставали люди, выдвинутые из среды юных строителей-борцов.

Владимир Маяковский с искренней любовью отдавал «свою звонкую силу» воспитанию нового человека. Его стихи, обращенные к молодежи, полны неиссякаемой веры в ее силы, в успех ее творческих дерзаний. Призывая юность к радужным далям коммунизма, он, талантливейший поэт нашей эпохи, сам шел в первых ее шеренгах, как рядовой могучей и непобедимой армии. Он не мыслил себя вне этой армии. В ее рядах он мужал, обогащал свое творчество, а тем самым и советскую литературу.

Алексей Максимович Горький — основоположник литературы социалистического реализма — так определял одну из основных задач писателя: «Наша цель — внушить молодежи любовь и веру в жизнь... Нужно, чтобы человек понял, что он творец и господин мира, что на нем лежит ответственность за все несчастья на земле и ему же принадлежит слава за все доброе, что есть в жизни».

На какую поистине благодатную почву пали эти слова-зерна! Они взрастили поколение, которое считает, что «самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Изо дня в день крепла и крепнет, мужала и мужает творческая дружба молодежи и писателей. Когда над нашей Родиной нависла угроза фашизма, комсомольцы, уходя на фронты Великой Отечественной войны, рядом с пушками и танками, самолетами и гвардейскими минометами поставили на вооружение книгу, советскую книгу, герои которой воплотили в себе лучшее, что рождено, что создано и воспитано большевистской партией.

Война выдвинула целую плеяду легендарных героев, похожих на своих отцов и старших братьев, но еще выше поднявших знамя советского патриотизма. Комсомольцы Краснодона, московская школьница Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, Александр Матросов, Юрий Смирнов, летчик Маресьев и тысячи тысяч других молодых патриотов своими делами на фронтах и в тылу вдохновили писателей на создание новых произведений. И такие книги, как роман «Молодая гвардия» А. Фадеева, стоят в ряду книг, по которым молодое поколение учится жить, бороться, строить.

С какой искренней любовью юноши и девушки, отмечающие в эти дни славный юбилей комсомола, перечитывают «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Чайку» Н. Бирюкова, «Знаменосцев» А. Гончара, поэмы «Сын» П. Антокольского, «Зоя» М. Алигер и многие другие книги, запечатлевшие героические подвиги юности.

Сколько еще книг должно быть и будет написано о молодом поколении нынешних дней, преобразующем нашу замечательную Родину! Каждый день вдохновенного труда комсомольцев и молодежи — тема новых произведений. Они будут созданы. К этому обязывают писателей горячая любовь молодежи к советской литературе, ее неиссякаемая жажда почерпнуть из книг для себя все, что может ускорить движение нашего народа к коммунизму.

В эти торжественные дни советский народ, поздравляя ленинско-сталинский комсомол со славным тридцатилетним юбилеем, повторяет слова великого Сталина: «...Учитесь соединять во всей своей работе могучий революционный порыв с настойчивой деловитостью большевистских строителей, будьте достойными сынами и дочерьми нашей матери — Всесоюзной Коммунистической Партии.

Да здравствует комсомольское племя!»

Счастье быть молодым

Борис ГАЛИН

I.

— Дорогие товарищи мои! Я думаю, каждый из вас запомнит этот день — день получения комсомольского билета. Я вижу по вашим лицам — я сам когда-то испытал это чувство, — какое счастье быть молодым, быть комсомольцем!

Вы вступили в ряды ленинско-сталинского комсомола, вы приобщились к великим идеям века и сегодня дали друг другу слово — где бы я ни был, какие бы трудности ни выпали на мою долю, я буду верен до конца своей жизни комсомолу, партии... Помните, у комсомольского билета прекрасная история...

С этими словами обратился к молодым комсомольцам секретарь Октябрьского райкома комсомола города Киева — черноволосый, в сером свитере, трижды раненый в годы Отечественной войны.

— Пархоменко!

К столу шагнул юноша и бережно взял из рук секретаря райкома свой комсомольский билет.

Какое счастье быть комсомольцем!.. Эти или подобные им слова и я когда-то услышал от секретаря райкома Красной Пресни, когда он вручал мне комсомольский билет. И теперь, спустя много лет, в октябре сорок восьмого года, в другом райкоме комсомола, я жадно вглядывался в юные лица, — их волнение передалось мне, я вспоминал свою юность, свой первый комсомольский день и думаю, что миллионы людей в нашей стране, чьи молодые годы прошли под знаком комсомола, сегодня испытывают это великолепное чувство — чувство молодости.

Какое счастье быть комсомольцем!..

Предо мною лежит простой и вместе с тем великий документ жизни — письмо сельского подростка Ширяева из деревни Антоновка, Богородского уезда, Московской губернии. Письмо к Владимиру Ильичу Ленину. Оно написано на третьем году революции. Сквозь строки его как бы отсвечивает то далекое, прекрасное время.

«Владимир Ильич, приветствую Вас и крепко жму руку за Вашу стойкую и усиленную работу на Советскую Россию... Спешу Вам сообщить об нашей деревенской крестьянской жизни... Была неделя фронта. Очень прошла хорошо, делали сбор денег, картофеля, хлеба и др. Открылась столовая, и как хорошо глядеть, когда дети соберутся в гнездышке своем. А главный этого дела ты, дорогой товарищ. Я, 14-летний мальчик, еще мал, **но я отдам все свои силы для Советской России,** как выросту — также запишусь в коммунисты, а пока я в Союзе Коммунистической Молодежи.

Пришлите хотя весточку о Вашей работе, **о чем Ваши мысли о будущем».**

Речь Владимира Ильича на III с'езде комсомола о задачах союзов молодежи — это мысли о будущем, обращенные ко всему молодому поколению. В этот день — 2 октября 1920 года — Ленин выступал дважды: перед рабочими кожевенной промышленности и перед молодежью. В докладе, который Ленин сделал рабочим, дан обзор международного и внутреннего положения страны. Нужно готовиться к предстоящему наступлению на Врангеля, и Ленин подчеркивает: речь идет опять и опять о существовании рабоче-крестьянской власти.

Тема беседы Владимира Ильича с делегатами III с'езда РКСМ (Ленин так и сказал тогда — мне хотелось бы сегодня побеседовать) носила совершенно иной характер. Это были мысли о будущем, отчетливая программа коммунистического воспитания молодого советского поколения.

Современники, участники с'езда, рассказывают, что за несколько минут до своего выступления Владимир Ильич Ленин, сидевший за столом президиума, нарисовал на листке с тезисами домик, затем тщательно вывел надпись на домике: «Школа».

С первых же слов своих Ленин сказал, что задача молодого поколения состоит в том, чтобы учиться — учиться коммунизму. В сознании делегатов еще жила романтика гражданской войны, в их сердцах звенел лозунг «Все на Врангеля». А Ленин уже круто поворачивал молодое поколение к новым задачам, открывал перед ним широкие горизонты, гением своим освещая трудный путь в коммунизм, рисуя нравственные устои, образ молодого человека, для которого весь смысл жизни заключается в том, чтобы каждый шаг своего учения связывать с борьбой трудящихся за построение коммунизма.

II.

Это великое счастье, что у истоков рождения коммунистической организации молодежи была партия, были Ленин и Сталин, воспитывающие нашу молодежь в духе суровой борьбы за коммунизм. С первых же дней созидания советского государства партия звала молодое поколение к борьбе. Вспомните ленинский план вооруженного восстания в Октябре семнадцатого года. Ленин говорил о необходимости выделить **самые решительные** элементы **для участия** их везде, во всех операциях. Среди этих решительных элементов он называет **рабочую молодежь.**

Этот же вопрос — в чем смысл жизни — был недавно предметом долгого душевного разговора двух комсомолок, студенток Киевского государственного университета. Они сидели на лекции, две девушки — Люба Ремизовская и Мария Педенко. И, словно продолжая начатый ранее разговор о смысле жизни, одна из студенток — Люба Ремизовская пододвинула Марии Педенко записку:

«Жить только для себя — подлость... Згодна?»

— А вы что ответили ей, Мария? — спросил я худенькую, рыжеволосую девушку с бледным лицом.

— Згодна! Согласна! — сказала Мария Педенко.

С Марией Педенко, участницей Великой Отечественной войны, я встретился в Киеве вечером того дня, когда у нее на лекции произошел обмен записками о смысле жизни. Мария Педенко принесла мне рукопись своей первой повести. Извлекая из портфеля рукопись, она положила на стол свой комсомольский билет.

Девушка начала читать повесть. Читала она медленно, задыхаясь.

— Смещение сердца, — коротко сказала она, на миг прерывая чтение.

Я спросил:

— Последствие ранения?

— Да.

— Где вас ранило?

— На Малой земле, — сказала Педенко и тут же поправилась.

— На Мысхако.

И попрежнему задыхаясь и волнуясь, по-украински мягко выговаривая слова, она прочла мне первую главу повести, которую правильно было бы назвать «История одного комсомольского билета». Это жизнь Марии Педенко, жизнь поколения.

Прочитанные страницы Мария Педенко клала поверх комсомольского билета. Потихоньку, чтобы не смутить Марию, я взял из-под груды листов комсомольский билет. Развернув, я увидел фотографию юной девушки с густой копной волос. В комсомол она вступила до войны. Страницы билета были пропитаны кровью. Кровью же были залиты слова какой-то записи на последней странице билета. Из-за пятен крови их трудно было разобрать.

Эти, залитые кровью, слова были написаны Марией Педенко в апреле сорок третьего года на Малой земле, на узкой пяди каменистой земли, мысом выдающейся в Черное море.

— Немцы прозвали нас трижды коммунистами, — отрываясь от рукописи, тихо сказала Мария Педенко.

При одном лишь воспоминании о боях на Малой земле ее бледное, очень бледное лицо порозовело.

— Коммунистами! — снова сказала она. — А ведь многие из нас были тогда только комсомольцами. В апреле они обрушили на нас тысячи бомб. В один из дней они сделали более тысячи самолетовылетов. В тот день я и сделала эту запись.

В тот день она была ранена, но кровью билет ее был залит при третьем ранении. Это случилось в ночь с 9 на 10 сентября, когда Мария Педенко на катере участвовала в десанте вместе с бойцами легендарной бригады Поганова. Осколки навылет пробили ее грудь. Вот когда произошло смещение сердца, вот когда комсомольский билет был залит кровью Марии Педенко.

И, задыхаясь, Мария, слово за словом, прочла запись, сделанную ею в комсомольском билете в самый острый момент жизни. Это были знакомые нашему поколению слова Николая Островского:

«...и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

III.

«Меня интересует, дорогой товарищ Александр Тюренков, ваш стиль жизни, который, наверное, неотделим от стиля работы. Где вы учились, как вы росли, кто был героем ваших мечтаний... В печати, где я часто встречаю ваше имя, очень скупо описаны черты вашего характера, Александр Тюренков. Прошу вас ответить мне на мои вопросы. Уверяю вас, это не праздные вопросы... Дело в том, — вам я могу это сказать, — юность моя — уже пройденный этап, я нахожусь в том состоянии духа, когда нужно раз и навсегда определить выбор пути...»

Письмо это получил горловский шахтер Герой Социалистического Труда Александр Тюренков. Он получает много писем. В День шахтера я встретился с Александром Тюренковым, и он показал мне свою почту. Вслух мы читали письма, которые идут к нему из разных уголков страны.

Они смущают его, эти письма. Их авторы в забойщике с крутых пластов шахты имени Калинина ищут и хотят видеть дорогие черты человека сталинской эпохи, для которого смысл и счастье жизни — это горение и геройская отвага в борьбе с трудностями.

— Что я могу им ответить, — задумчиво сказал Александр Тюренков, перебирая листки этих писем. — Я с детства шел по одной дороге, — и это была дорога труда... А когда я вступил на фронте в партию, я лучше и глубже понял, во имя чего нужно жить.

Его сильные, в ссадинах, руки забойщика лежали на груде писем.

— Об этом и нужно написать, Александр Тюренков.

IV.

«Кто их бог? Кто владеет умом, сердцем, воображением молодого поколения?»

Эти полные тревоги вопросы задала американская писательница Мэксин Дэвис в своей книге «Потерянное поколение».

«Требуется герой,—писала она.—Если бы подобное об'явление было помещено в газетах, то вряд ли нашелся бы кандидат, который мог бы оправдать ожидание американской молодежи. Наше молодое поколение осталось без героя. У нас ощущается недостаток в людях, которые могли бы своим героизмом пленить воображение молодежи».

Книга «Потерянное поколение» вышла до войны. После войны эти «проклятые вопросы» особенно остро тревожат капиталистический мир: кто их бог? за кем пойдет молодое поколение? Капитализм стремится отравить сознание молодежи, привить ей волчью психологию: может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще и смогу пробиться, выйти в буржуа.

Бальзак в свое время это прекрасно описал. Помните, каторжник Вотрен поучает молодого Растиньяка:

«Вы стоите на распутьи, молодой человек, выбирайте! Знаете ли, что нужно, чтобы проложить себе дорогу? Надо врезаться в массу людей, подобно пушечному ядру, или проскользнуть в нее, как зараза. Честность ни к чему не ведет».

Достойно напоминания: сам каторжник Вотрен, прекрасно постигший волчий закон капитализма, мечтает зажить патриархальной жизнью где-нибудь в Соединенных Штатах, на юге. Эксплоатируя негров, он надеется сколотить 3—4 миллиона («Если мне это удастся, никто не спросит, кто я такой. Я буду просто г. «Четыре миллиона», гражданин Соединенных Штатов»).

Прочтите недавно вышедшую книгу Д. Сельдеса «1000 американцев». Тысяча американцев, а по существу капиталистический строй, всячески стремится привить молодому поколению так называемый «американский образ жизни», т. е. сделать молодежь послушной, не рассуждающей, живущей без идеалов. Джордж Сельдес, построивший свою книгу на фактах и только на фактах, пишет, что эта тысяча американцев, поддерживая существующую систему, поощряет движение вспять, не допускает наступления «века простых людей».

Но повернуть вспять век простых людей никому не дано, в том числе и тысяче американцев, владеющих трестами, монополиями, печатью и радио. Над миром встал образ молодого человека нашей страны, пример жизни которого привлекает умы и сердца прогрессивной молодежи всего земного шара.

V.

Я пишу эти строки в канун великого дня — Тридцатой годовщины комсомола, с которым у каждого в нашей стране столько связано и столько пройдено. И я отлично понимаю чувство, которое выразил пожилой офицер Советской Армии, когда, поднявшись на трибуну и оглядывая зал — это было на вечере-встрече старых и молодых комсомольцев, — он тихо и страстно проговорил:

— Давно ли мы были комсомольцами!..

На трибуну выходили старые комсомольцы — живая история нашей жизни. Вот этот военный с поседевшей головой, воскликнувший—давно ли мы были комсомольцами! Юность его восходит к временам гражданской войны, когда на дверях райкомов комсомола висели записки: «Все ушли на фронт!» Вот, близоруко щурясь, вглядывается в притихший зал ученый. Он ушел по путевке комсомола учиться на рабфак, а потом в вуз: помните провозглашенный товарищем Сталиным поход революционной молодежи в науку!.. Вот поднялся в просторном мешковатом пиджаке уже пожилой начальник цеха. И по тому, как блеснули его глаза, все разом почувствовали, что он все еще молод, молод, чорт возьми, и теперь, горяч душой, теперь, как и тогда, в начале тридцатых годов, когда по путевке комсомола в счет семи тысяч он поехал строить и осваивать Сталинградский тракторный. И совсем молодой комсомолец выступил на этом вечере — сталевар из мартеновского цеха. Из кармана его пиджака выглядывало синее стеклышко в деревянной оправе. В трудный год войны его послал комитет комсомола в мартеновский цех — «там было узкое место».

За этим словом—«узкое место» сразу же возникла широкая картина борьбы советской молодежи, которая всегда, по первому же зову партии, идет на расшивку «узких мест», учится в самом малом видеть государственное.

На этих днях на Украине я встретился с академиком И. Д. Колесником. На Украине его зовут «невтомной людиной». Неутомимый человек, ученый мичуринской складки, он весь сейчас захвачен государственным планом насаждения лесов в поистине грандиозных масштабах. В Велико-Анадольском лесу на юге Донбасса Колесник вместе с партийными работниками и учеными лесоводами наметил план действий. И сразу же после этого совещания он поехал в Старо-Бешево к старой комсомолке Паше Ангелиной, такой же, как и он, «невтомной людине». Академик советовался с Пашей о том, как поднять народ, мобилизовать комсомол на борьбу за лесонасаждения. «Узкое место» — отсутствие желудей дуба. Решено послать комсомольцев в другие области за желудями. В борьбе за зеленый Донбасс будет еще немало «узких мест». Но все они будут расшиты, как тысячи других «узких мест», которые в борьбе и труде преодолевают партия и комсомол.

Одним чувством, над которым не властно время, живет наш народ, старое и молодое поколение, — это присущее большевикам вечное чувство молодости. Путеводной звездой молодому поколению служит учение Ленина — Сталина. Над великой страной проносятся чудесные сталинские слова, полные глубочайшей веры и любви к молодому поколению:

«Молодежь — наша будущность, наша надежда, товарищи».

Сегодня вся страна празднует 50-летний юбилей МХАТ им. М. Горького

Сегодня, в день 50-летия Московского Художественного академического театра СССР им. М. Горького, в МХАТ устраивается прием представителей общественных и театральных организаций.

Вечером в зрительном зале откроется торжественное заседание, на котором с докладом «50 лет Московского Художественного театра» выступит председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР П. И. Лебедев. Во втором отделении вечера состоится большой концерт «Мастера советского театра — Московскому Художественному театру».

* * *

С огромным успехом проходит юбилейная декада МХАТ, открывшаяся 23 октября постановкой пьесы Б. Чирскова «Победители». Во второй день декады были показаны первый акт из трагедии А. Толстого «Царь Федор Иоаннович» (этим спектаклем 50 лет назад начался славный творческий путь МХАТ), третий акт пьесы А. Чехова «Вишневый сад» и заключительный акт из спектакля «Любовь Яровая» К. Тренева. 25 октября шла пьеса Н. Вирты «Хлеб наш насущный». Зрители горячо приветствовали любимых актеров МХАТ.

* * *

Для участия в праздновании юбилея Московского Художественного академического театра имени М. Горького в Москву приехали театральные деятели зарубежных стран.

Состоялась встреча работников искусств столицы с иностранными гостями. Председатель Всероссийского театрального общества, народная артистка СССР А. А. Яблочкина в краткой речи приветствовала гостей.

На встрече выступили — художественный руководитель Национального театра в Будапеште Томаш Мойор, профессор театрального института в Веймаре д-р Отто Фриц Гайярд, художественный руководитель Венского театра Рауль Аслан, народный артист Болгарии Крыстю Сарафов, директор театров Румынии Захария Станку, режиссер Национального театра в Норвегии Ханс Якоб Нильсен, художественный руководитель трех театров в Польше Леон Шиллер и директор Реалистического театра в Праге Ян Шкода. Они говорили о мировом значении советского театра и в первую очередь МХАТ, творческим принципам которого следуют все прогрессивные театры мира.

* * *

Общественность Горьковской области широко отмечает 50-летний юбилей Московского Художественного театра. В ста двадцати колхозных клубах силами молодежи организованы выставки-стенды, рассказывающие о творческом пути театра. На селе прочитано свыше ста докладов на темы: «МХАТ имени Горького — передовой театр мира», «Драматургия Горького и Чехова в Московском Художественном театре» и другие. Более шестидесяти сельских коллективов самодеятельности подготовили к юбилею МХАТ новый репертуар.

Александр ЖАРОВ

Песня старого комсомольца

Где ты, утро раннее,
Светлые мечтания?
Юность комсомольскую
Вовек не забыть.
Первое свидание:
Встреча и прощание...
Спеть бы песню грустную,
Да некогда грустить,

Были зори ясные,
Были дни ненастные.
Сколько дыма-пламени
Видали облака!
Радости с печалями
Те, что испытали мы,
Вспомнить бы за чаркою,
Да некогда пока.

Все, что нами пройдено,
Будет помнить Родина:
Милые, привольные
Советские края.
Новыми надеждами
Молоды, как прежде, мы, —
Потому что стариться
Нам некогда, друзья.

Петр БИБА

Письмо в Чиатури

Здравствуй, Шота,
После боя
Не встречались мы с тобою.
Где ты, Шота?
Возле моря,
Иль в зеленом славном Гори,
Или в тихом Зестафони,
Иль у буйного Риони.
— Нет, — ответил ты, — я в шахте,
Где труднее, я на вахте.
И в ответе этом сразу
Я узнал того, кто молод.
Пласт рубить — в его натуре.
— Чиатури...
Чиатури...
Этот путь тебе указан
Родиною, комсомолом.
И кипит работа в штольнях
Поперечных и продольных,
И руда без перебоя
Поступает из забоя,
Подымается на славу
Металлургия Рустави.
Сталью, сталью, друг, крепить нам
Отвоеванное в битвах.
А без марганца — ни стали,
Ни машины, ни детали.
Нужен он, известно это,
Даже на перо поэту.
Урожайны капли пота,
Будет много стали, Шота!
Волн подземных колыханье,
Это, Шота, мы с тобою
Начали соревнованье
В двух республиках в забое.
У Днепра и в горном крае
Бьют прибоем волны эти
И сливаются, я знаю,
К счастью всех друзей на свете.
Наша сила, друг мой Шота,
В том, что спорится работа.

Перевел с украинского Григорий СОЛОВЬЕВ

Приднепровье, город Марганец

Художественная выставка к 30-летию ВЛКСМ

Завтра в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открывается Всесоюзная художественная выставка, посвященная тридцатилетнему юбилею ВЛКСМ.

В шести залах выставки представлено свыше 300 работ молодых художников. В живописи, графике, скульптуре отображены лучшие черты советской молодежи, воспитанной большевистской партией и ее великими вождями Лениным и Сталиным.

Героизму советских юношей в бою и труде посвящены картины «Комсомольцы на оборонительных рубежах» — Н. Осенева, «В Брянских лесах» — Ф. Голубкова, «Победа» — П. Кривоногова, «Строитель подземного Севангэса» — О. Зардаряна, «Первые огни Мингечаура» — М. Абдулаева, «Хозяева земли» — А. Максименко.

Неиссякаемым источником вдохновения для молодых художников служат исторические события, связанные с деятельностью В. И. Ленина и И. В. Сталина. Этим темам посвящены работы С. Дудника — «Залп Авроры», лауреата Сталинской премии В. Серова — «Ленин провозглашает Советскую власть», А. Даниличева — «Ленин на III с'езде комсомола», большое полотно лауреата Сталинской премии М. Хмелько — «За великий русский народ».

В экспозицию включены лучшие произведения молодых скульпторов. Среди них работы: А. Рабины—«Олег Кошевой», Т. Поляковой — «Ульяна Громова», Л. Кербеля — «Трудовые резервы», А. Файдыш-Крандиевского — «Комсомольцы МТС», скульптурные портреты В. Цыгаля и другие.

Широко представлена на выставке графика.

СЕССИЯ СОВЕТСКИХ БИОЛОГОВ

Вчера в Доме ученых открылась сессия отделения биологических наук Академии наук СССР, посвященная проблемам развития мичуринской биологической науки. В работах сессии принимают участие Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, биологические учреждения академий наук союзных республик, Академия медицинских наук СССР, филиалы и базы Академии наук СССР. Сессию открыл кратким вступительным словом академик А. И. Опарин.

Под гром аплодисментов участники сессии избрали в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем И. В. Сталиным.

С докладом на тему «Консерватизм наследственности растений и животных и научные пути его преодоления» выступил академик Т. Д. Лысенко. Затем участники сессии прослушали доклады члена-корреспондента Академии наук СССР А. А. Авакяна — «Наследование приобретаемых организмом свойств» и кандидата биологических наук В. Н. Столетова — «О природе гибридного растения в свете учения Мичурина — Лысенко».

Сегодня на сессии состоятся доклады о плане научно-исследовательских работ отделения биологических наук Академии наук СССР на 1949—1950 гг. и о плане работ биологических учреждений филиалов и баз Академии наук СССР.

Поколение победителей

А. СОФРОНОВ

Вот уже выросли тополя и клены на заводском дворе, среди асфальта и клумб Ростсельмаша. Вот стоит перед нами завод, возникший в годы первой пятилетки на пустырях, за городом Ростовом, в открытой степи, обдуваемой задонскими ветрами.

Летом шумят над высокими окнами тополя и клены, высаженные нами, комсомольцами первой пятилетки, в 1930, 1931, 1932 годах. Помнится, здесь, среди еще не снятых лесов, которыми были обведены корпуса цехов, мы на комсомольском субботнике сажали тоненькие саженцы кленов и тополей. Нас было много, строителей и металлистов, — юность, вышедшая на широкую дорогу, — с комсомольскими значками на груди.

Здесь, среди огней электросварок, над котлованами новых цехов, прошла наша юность. Здесь мы закончили наш главный университет. Здесь мы получили высшее образование — образование, в котором было все — и умение различать далекие горизонты и обучение мужеству. Здесь, в комсомольских ячейках огромного завода, мы учились преданности нашей Родине. Мы пели комсомольские песни. В словах этих песен мы находили для себя ответы на юношеские вопросы. Заучивая эти песни, мы учились жизни на нашей советской земле.

Безусые, ясноглазые ребята, мы узнавали друг друга по рабочим спецовкам, по голосу, который окреп в цехах Ростсельмаша, по смелости, с какой принимали мы каждое новое явление.

Мы помним первые ударные бригады 1929—30 годов. Из эти бригад вышел огромный поток стахановского движения. В этих ударных бригадах мы учились социалистическому отношению к труду. Ощущение того, что ты хозяин не только своего станка, но и своего завода, но и всей своей Родины, своей земли, приходило именно там, в ударных бригадах, в комсомольских бригадах.

Молодость не знает преград. Молодость всегда в движении. А наша советская молодость получала особую, отличную закалку, — мы были детьми коммунистической партии. И тот, кто прошел комсомольскую школу, тот входил в жизнь подготовленным, твердым человеком, строителем и созидателем.

...И вот мы сменяли наши рабочие спецовки на военные гимнастерки. Мы сдавали в инструментальные кладовые слесарные и токарные инструменты, прощались с заводом и по повестке райвоенкомата уходили в армию.

Комсомольское племя, ты было на всех фронтах Великой Отечественной войны.

Пехотинцы и летчики, артиллеристы и танкисты, моряки и разведчики, солдаты и офицеры — вот оно, комсомольское племя, которое показало образцы великого умения спокойно итти на подвиг, а, если нужно, и на смерть за свою любимую советскую землю.

Нет, мы не просто работали в годы первой пятилетки: возводя чудесные заводы и перепахивая единоличные межи на полях, мы получали право и умение защищать все то, что добыто было нашими отцами и что было построено нашими молодыми крепкими руками для наших потомков, для детей и внуков. Когда молодые ребята, брянские партизаны где-нибудь возле Трубчевска пускали под откосы поезда с эсэсовцами и с танками, это было естественно, давно подготовлено, это было в характере нашей юности, в нашем комсомольском характере.

Олег Кошевой, Люба Шевцова, Сергей Тюленин, Зоя Космодемьянская, Александр Матросов — рядовые члены комсомола. Они могли совершить свой подвиг только потому, что были воспитаны нашей коммунистической партией.

* *
*

И снова шумят летними вечерами над высокими окнами цехов Ростсельмаша выросшие и возмужавшие клены и тополя.

Вот уже как будто и не был разрушен завод. Снова цветут клумбы, по широким асфальтам проносятся быстрые электрокары с кареглазыми девчатами, трактористы подхватывают сходящие с конвейера молотилки комбайнов «сталинец» и везут их к железнодорожным платформам. И снова завод наполнен песней станков и тяжелых кузнечных прессов, работают конвейеры, и выстроен значительно лучший — высокий, просторный — новый цех комбайнов. Покрылись новой корой деревья, иссеченные осколками бомб и снарядов. Вернулись к станкам те, кто когда-то строил этот завод. Коммунисты, люди высоких планов, люди огромной работоспособности и силы. Теперь уже они воспитывают новое, пришедшее на завод поколение.

В просторном деревообделочном цехе мы встречаем Анну Горлову. Она когда-то была комсомолкой. Сейчас она секретарь парторганизации деревообделочного комбината, старший мастер отдела пологен. В ее бригадах — девушки, для которых она не только мастер, но и старший товарищ, к которому можно притти за любым советом, за помощью.

На завод пришло новое поколение. Вчерашние комсомольцы, вчерашние слесари и сборщики стали мастерами, начальниками смен, руководителями завода. Петр Черников, Виктор Киршнер, Сергей Новак, Александр Куллаенко, литейщик Нор-Аревьян, Галилов, Иванов — десятки старых комсомольцев Ростсельмаша являются теперь знатными людьми завода, воспитателями юности. Они приходят на завод со своими детьми. Так, слесарь-сборщик Михаил Федорович Муковнин привел своего семнадцатилетнего сына Петра и сказал:

— Хочу, чтобы подкрепил меня на конвейере.

В 1931 году проектировались первые комбайны Ростсельмаша, — в 1931 году родился Петр Муковнин.

Когда в 1947 году завод готовился к выпуску пятитысячного послевоенного комбайна и оказалось, что, если следовать проектной мощности конвейера в 20 комбайнов, то к намеченному сроку пятитысячный опоздает, — на конвейере собрались слесари-сборщики для того, чтобы обсудить создавшееся положение. Надо было лучше и больше работать. Выступил отец, Михаил Муковнин, и сказал, что он дает обязательство устанавливать 30 бункеров на комбайн. Это обязательство было принято горячо, но оказывалось недостаточным. Тогда выступил сын, комсомолец Петр Муковнин, и сказал, что он дает обязательство установить 40 узлов, и вызвал своего отца на соревнование. Петра Муковнина поддержали. Говорят, что на первых порах Михаил Муковнин был недоволен, даже нахмурился, но потом принял помощь сына, который, выполнив обязательство, данное им на собрании слесарей-сборщиков, об установке 40 узлов,— пошел на помощь отцу. Пятитысячный комбайн был выпущен в срок!

Вот оно, комсомольское племя, которое сейчас получает высшее образование коммунистического отношения к труду в годы послевоенной пятилетки. Отец и сын— два поколения.

Передо мной письмо руководителей прессового цеха Ростсельмаша, адресованное матери комсомольца Виктора Жеребцова:

«Уважаемая Татьяна Захаровна! Ваш сын Виктор, пришедший в мае 1947 года в наш цех, за короткий промежуток времени освоил сложную профессию настройщика и с первых дней показывает образцы честного отношения к труду и к своим обязанностям. Быстро и качественно он настраивает штампы, на которых изготовляются детали комбайна; он помогает другим рабочим, показывает, как нужно быстро и качественно изготовлять детали. Недавно Виктор принят в ряды ленинско-сталинского комсомола. Весь коллектив цеха гордится Вашим сыном и приносит Вам, матери, воспитавшей гражданина — патриота своей Родины, сердечную благодарность. Начальник цеха Гиссен, секретарь парторганизации Дубровский, мастер Косицын».

Недавно ростсельмашевцы рапортовали товарищу Сталину о полном восстановлении завода. Сейчас на заводе идет борьба за досрочное выполнение годового плана по выпуску комбайнов. В первых рядах производственников, на первых рубежах выполнения плана стоят коммунисты и комсомольцы.

Шестнадцать лет назад товарищ Сталин, приветствуя делегатов и делегаток VII всесоюзной конференции ВЛКСМ, пожелал комсомольцам:

«...Учитесь соединять во всей своей работе могучий революционный порыв с настойчивой деловитостью большевистских строителей, будьте достойными сынами и дочерьми нашей матери — Всесоюзной Коммунистической Партии!

Да здравствует комсомольское племя!»

Комсомольское племя — юность нашей Родины, сила нашего будущего. Нет более радостной и почетной обязанности для юношей нашей Родины, как обязанность следовать по дороге, указанной коммунистической партией. Нет более почетной задачи для юноши, для комсомольца и комсомолки, чем быть в передовых рядах строителей коммунистического общества.

Взлелеянное партией, вдохновленное великими заветами В. И. Ленина, выросшее под непосредственным отеческим руководством И. В. Сталина, комсомольское племя, окрыленная юность, подходит к тридцатой своей годовщине, как верный помощник коммунистической партии.

Комсомольское племя стоит на почетной вахте выполнения пятилетнего плана. Всюду оно — в институтах и техникумах, среди высокой алтайской пшеницы, в степях Украины, среди лесополос, в Сальских степях. Ему принадлежит будущее!

Руд. БЕРШАДСКИЙ
Специальный корреспондент «Литературной газеты»

Ровесники пятилеток

Оторваться от этого зрелища невозможно. Я знаю, что стальная болванка детали, зажатая в патроны токарного станка, вращается, должна вращаться. Но тем не менее я не вижу ее вращения, — глаз не в состоянии воспринять это, — она кажется неподвижной. О том, что происходит с болванкой на самом деле, можно догадаться только по бешено выбивающейся из-под резца стружке.

У станка стоит молодой, очень молодой рабочий — слушает. Он занят только этим; лицо его выражает такое сосредоточенное внимание, как лицо летчика во время слепого полета или радиста, ловящего волну сквозь грозовые разряды.

Я нахожусь на Николаевском судостроительном заводе имени Марти. Это в громадной мере завод молодежи (как, впрочем, и любой завод у нас). Вместе с тем это крупнейший завод: тысячи рабочих, сотни корпусов и всякого рода сооружений, по территории, без преувеличения, целый район города.

Четыре года назад он был начисто уничтожен немцами — вплоть до фундаментов всех корпусов. Но когда попадаешь сюда сегодня, то больше всего поражают не масштабы разрушений, а то, с какой изумительной скоростью преодолевает эти разрушения наш народ.

— Комсомолец Слюсарь, — называют мне фамилию токаря, на работу которого я засмотрелся. Это один из первых скоростников на «Марти» — один из первых, но далеко уже не единственный.

Совсем недавно появились в нашей печати сообщения о скоростном резании металлов и ленинградском токаре Борткевиче, а уже сегодня токарей-скоростников— тысячи в нашей стране. Между тем метод Борткевича заведомо рассчитан на очень высокий уровень сознательности и культуры рабочего, он заведомо предполагает у скоростника наличие знаний, сверх требуемых только по разряду, имеющихся, так сказать, «про запас».

При скоростном резании обрабатываемая болванка раскаляется, потому важно уметь правильно составить охлаждающую эмульсию. Но для этого нужно знать технологию обрабатываемого металла. Да и станок надо знать скоростнику не по-ученически (хотя бы как прилежному ученику), не как знает его рядовой рабочий, а обязательно в совершенстве, как знают свой станок люди, вместе с ним состарившиеся.

Но откуда взяться подобной многоопытности у вчерашнего фабзавучника, которому даже герои «Молодой гвардии» — не ровесники, а старшие братья и сестры?

Семьсот комсомольцев завода Марти выполнили свой годовой план за девять с небольшим месяцев, свыше тысячи перевыполняют нормы. Все они непременно занимаются—одно от другого неотделимо— в школах рабочей молодежи, в кружках повышения квалификации, на курсах скоростников, в техникумах, вузах. Вот как они восполняют недостающий им опыт, вот каким способом они прессуют время.

Одна из любимых книг на «Марти» — «Воспоминания» гениального русского кораблестроителя академика А. Н. Крылова. Мне вспоминается ярчайшая глава этой книги — о самоучке Петре Акиндиновиче Титове, сыне судового механика; он не имел диплома об окончании даже сельской школы, но тем не менее был «одним из самых замечательных русских корабельных инженеров». Он, например, сумел завоевать обе первые премии на крупнейшем конкурсе морского министерства, когда проектировали броненосцы.

Но даже несмотря на такую исключительную талантливость, Титов никогда не был в состоянии почувствовать себя ровней в среде тогдашних инженеров-чиновников, кичливо коловших Титова тем, что он-де «для вразумительности слово инженер пишет с двумя ятями». И как характерно обращение Титова к полюбившемуся ему Крылову: «Вижу я, ты по цифирному делу мастак. Обучи ты меня этой цифири, сколько ее для моего дела нужно, — **только никому не говори, а то еще меня засмеют».**

Я беседую на «Марти» с комсомольцами-скоростниками, стахановцами, ударниками. Все они учатся, и кому из них в голову придет, что можно стыдиться признания, что учишься? До чего извращенно, противоестественно должен был быть устроен мир, в котором такой взгляд на вещи был возможен, больше того: обычен!

* *
*

Модельный цех завода многосветен, как храм. В этом цехе как-то особенно ощутима скрупулезность работы по созданию громадины корабля. Здесь тишина, сосредоточенность, на верстаках детали корабля, изготовленные в натуральную величину из дерева: как огромные замечательные игрушки.

Я знакомлюсь с семнадцатилетним модельщиком Романом Беликовым в час обеденного перерыва. Он пьет молоко из бутылки, машинально жует хлеб, одновременно читает какую-то книгу. Подхожу ближе, заглядываю в раскрытые страницы: «Древняя история».

— Сколько времени у вас остается между концом смены на заводе и началом занятий в техникуме?

— Час.

— Очень трудно совмещать?

— Трудно.

— А нет возможности отказаться от работы? Заняться только учебой?

— Только учебой? Зачем? А кто будет завод восстанавливать? И разве я не справляюсь и с тем, и с другим?

— Но ведь сами говорите: трудно.

— Ну и что же?..

Я смотрю на юношу, которого я старше на двадцать с лишним лет, и не могу сказать ему, как он мне по душе со своим чудесно простым решением вопроса.

— Знать хочется, понимаете? — говорит Беликов с такой силой убежденности, что нельзя не понять. — В субботу я пошел по цехам смотреть, как моя модель превращается в деталь, как по ней изготовляют форму, как потом эту форму заливают металлом, куда она дальше направляется. Хочется увидеть, как, в конце концов, твоя деталь становится на корабль, а потом начинает на нем плавать. И вот, вообразишь себе: где-где она на нем только не побывает... И как будто ты и сам вместе с нею.

— А вы по следам своих моделей случайно отправились? Или с целью?

— Как вам сказать... Ведь никогда в жизни не сумеешь ничего изменить в том, что делаешь, если ты не знаешь, для чего эту вещь делаешь. Вот, собственно, какая у меня цель была. Пожалуй, из-за нее же и в техникум пошел. Вспомнишь на занятиях, как из-под твоих рук живая модель выходит, — и сразу, как будто, любое отвлеченное положение становится понятнее тебе, осязаемей, ну, вроде модели, которую можно ощупать рукой... Не знаю, как вам об'яснить это точно...

Он смущается от того, что не может, как ему кажется, найти нужные слова, и вдруг неожиданно смеется:

— Вот так и с работой иногда случается, и по учебе: кажется, все понимаешь, как требуется сделать, а начнешь на практике, — и все вкривь и вкось. Наверно, и вы, писатели, это знаете? Вот тоже очень интересная работа, по-моему.

В словах его звучат искренний восторг и преклонение перед писательским искусством, но это, однако, не мешает тому, что в них звучит еще одна замечательная нотка: гордость за то, что ему, хотя и в другой области, также ведомы муки и радости творческого труда и поэтому он представляет себе муки и радости труда любого творческого человека.

* *
*

Основная черта самого молодого трудового поколения нашей Родины, к которому принадлежит и Беликов, — то, что оно не отрывает труд физический от умственного. Возможность трагической грани между двумя этими видами труда кажется ему уродливым извращением.

У станков наших заводов стоит человек интеллигентный. Это и есть сегодняшний **молодой рабочий нашей страны. Он начинает свою жизнь прямо с социализма!**

К. РУДНИЦКИЙ

Любовь и гнев театра

Сегодня Художественному театру пятьдесят лет. Вся страна празднует пятидесятилетие своего лучшего театра, слава которого облетела весь мир. У Художественного театра учились и учатся люди искусства во всех уголках земли, его принципы и опыт помогают творить деятелям сцены и экрана, говорящим на всех языках мира. Пятьдесят лет — возраст зрелости, но на этот раз ей не грозит увядание старости. Юбилей празднует художник коллективный, который из года в год набирает и формирует новые творческие силы.

В своей славной истории театр находит опору современным исканиям, и эти искания все более сближают его искусство с жизнью и борьбой нашего народа.

Когда задумаешься о том, чем, собственно, характерна зрелость Художественного театра, какие качественные изменения произошли в его искусстве, то неизбежно замечаешь новое в самом содержании, в самом смысле его творчества, в характере воздействия этого творчества на зрителей.

Художественный театр всегда был театром гуманистическим, влюбленным в человека, близким народу. Правдивость, честность, вдохновенность отличали спектакли театра — именно эти качества, а отнюдь не новаторство ради новаторства, принесли ему заслуженную славу. Богатства самой человечной в мире русской литературы, традиции самой человечной в мире русской сцены стали достоянием молодого коллектива.

Театр смело обращался к тому, что было в литературе самым идейным, ярким, передовым, устремленным в будущее. Поэтому именно на его сцене появились чеховские герои и отсюда же прозвучал голос великого драматурга-революционера Максима Горького.

Спектакль «На дне» оказался самым знаменательным во всей истории театра. Основная мысль, воодушевлявшая автора и театр, гневная, протестующая мысль — «Человек — это звучит гордо!» — находила отклик в революционных народных массах. Смелый протест против капиталистических устоев глубоко волновал зрителей. Спектакль был одухотворен воинственным пафосом зреющей революции.

Гуманизм Художественного театра до революции в иных спектаклях оказывался сентиментально-вялым, нередко беспросветным, не оставлявшим простора человеческой мечте, не призывавшим к борьбе.— Жаль человека! — к этому порой сводилось все, и это не могло удовлетворить ни коллектив театра, ни передовые круги его публики.

Революция застала Художественный театр в состоянии кризиса. Сезон, прерванный февральскими событиями 1917 года, был в своем роде уникальным: Художественный театр не дал ни одной премьеры.

Его руководители давно уже, конечно, сознавали, что театр зашел в тупик, и испытывали тревогу за его судьбы. Уже в 1909 году Вл. И. Немирович-Данченко говорил: «Я нахожу, что наш театр за последние годы отстал от своего назначения — идейности... Мы очень отстали от идей свободы...».

Эстетическая «неустойчивость» театра была следствием неясности его идейной программы. Чувство нового в Художественном театре было тогда еще смутным, неуверенным, незрелым. Его гуманизм чаще всего носил отвлеченный характер.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала театру то, чего ему недоставало. В зал пришли новые зрители, чьей волей и кровью была завоевана свобода, и театр, который всегда стремился творить для массовой аудитории, получил, наконец, эту возможность. Революция дала искусству Художественного театра могучую идейно-философскую опору. С каждым днем Художественный театр все более и более проникался духом борьбы за коммунизм. Все лучшее, все наиболее значительное, глубокое в искусстве театра получило, наконец, питательную почву. Гуманизм театра стал гуманизмом советским, стремящимся, по слову Горького, воспитать в людях «чувство человеческого достоинства, сознание их коллективной силы, сознание человеком его значимости, как организатора мира и сил природы». Искусство театра приобрело революционную активность, сохранив и увеличив мощь своего реализма, его тонкость, глубину, человечность.

Именно этими принципами руководствовался Художественный театр в постановках произведений современной советской драматургии и именно поэтому добился в советский период своей творческой жизни качественно новых достижений. Обращение к советской драме безмерно обогатило театр передовым мировоззрением эпохи, а он, в свою очередь, отдал огромные ценности русской реалистической театральной культуры новому советскому искусству. Происходил замечательный процесс взаимного обогащения.

Спектакль большого масштаба, крупных актерских задач, «Бронепоезд 14-69» неопровержимо свидетельствовал о том, что Художественный театр сделал огромный шаг вперед, углубил и расширил свое понимание реализма, вышел на путь к постановкам активным, страстным, вполне определенным по идейному смыслу.

Проникновение в глубины человеческих характеров, столь свойственное актерам Художественного театра, приобрело на этот раз уже новые качества. Театр стремился раскрыть не только психологическую, но и социальную сущность каждого персонажа, выявить закономерность, об'единившую в борьбе за народное счастье партизанского вождя крестьянина Никиту Вершинина, его боевого друга Ваську Окорока, рабочего Пеклеванова, китайца Син Бин-у и собравшую в лагере врагов революции Надежду Львовну, Семена Семеновича, капитана Незеласова, прапорщика Обаба... Насколько В. Качалову, Н. Баталову, Н. Хмелеву, М. Кедрову удалось передать воодушевление и целеустремленность борцов за будущее, настолько О. Книппер-Чехова, А. Вишневский, М. Прудкин, В. Станицын точно, беспощадно обнажили духовную пустоту врагов революции.

Не случайно после революции уже никогда никому не приходило в голову говорить о неустойчивости стиля Художественного театра. Отныне цельное мировоззрение театра навсегда определило художественную цельность его реалистического творчества.

В. И. Немирович-Данченко точно охарактеризовал существо изменений, происшедших в творческой жизни театра. «МХАТ всегда признавал, — писал он,— только искусство, насыщенное большими мыслями, — теперь он наполняет свои постановки крупными политическими идеями... Он хочет подлинного социалистического гуманизма, наполненного любовью к труду, родине и человечеству и ненавистью к его врагам».

Обогащенное новым содержанием, идейно вооруженное, искусство театра с этой поры приобретает глубокую внутреннюю оптимистичность. Оптимизм — неот'емлемое и, несомненно, новое свойство послереволюционного творчества МХАТ. Истоки этого оптимизма — в самой жизни, он органичен для народного искусства этого театра, как органичен и для самого советского народа.

Герои-современники на сцене Художественного театра предстают перед нами в жизненной полноте, во всем богатстве характеров, освещенных твердой верой в счастливое будущее. Такова была дочь революции Любовь Яровая (К. Еланская), которая без колебаний пожертвовала своей любовью во имя счастья народа, таковы были и веселый матрос Швандя (Б. Ливанов) — бесхитростный человек, свято верящий в победу правого дела, и молодой хирург Платон Кречет (Б. Добронравов), отдававший свои силы борьбе за здоровье и долголетие советских людей, и тамбовский крестьянин Фрол Баев (А. Грибов) — защитник ленинского дела, поборник правды революции, и геолог Майоров (М. Болдуман), для которого труд поистине стал делом чести, и отважный генерал Муравьев (Н. Боголюбов), сражавшийся против гитлеровцев... Эти знакомые персонажи известных пьес К. Тренева, А. Корнейчука, Н. Вирты, А. Крона, Б. Чиркова несли в себе новые черты большевистского гуманизма: все они, цельные, многосторонние люди, несли «солнце в крови» — солнце грядущего коммунизма.

Театр жил, развивался, мужал вместе с нашей страной, путь его героя — это славный исторический путь нашего современника. Есть немало общего между Швандей и генералом Муравьевым, — оба они с одной мечтой о коммунизме сражаются против врагов своей Родины. Но какая огромная дистанция между ними! Малограмотный, грубоватый Швандя уступил место разносторонне образованному, целеустремленному, вооруженному всеми достижениями сталинской стратегической мысли военачальнику Муравьеву. Обаятельный, но лишенный серьезной моральной основы оптимизм персонажей пьесы В. Катаева «Квадратура круга» сменился уверенным зрелым оптимизмом хирурга Платона Кречета, геолога Майорова из «Глубокой разведки» А. Крона. Смутное предчувствие счастливой жизни у героя «Земли» крестьянина Фрола Баева ныне предстало перед нами выкристаллизованной волей партийного работника на селе Андрея Рогова в новой пьесе Н. Вирты в талантливом воплощении М. Болдумана.

Большое значение в истории Художественного театра имел спектакль «Кремлевские куранты» Н. Погодина, проникнутый романтикой созидания, спектакль, в котором впервые на сцене МХАТ А. Грибовым был воплощен вдохновенный образ великого Ленина.

Но разве в одних только ролях передовых людей нашего времени творчество артистов Художественного театра достигает необыкновенной поучительности, яркости, вдохновения? Разве только любить новое учит нас МХАТ? Вспомните О. Андровскую в роли маленькой хищницы Пановой («Любовь Яровая»), Н. Хмелева в роли ярого и злобного врага Сторожева («Земля»), М. Прудкина в роли циничного приобретателя Мехти («Глубокая разведка»), И. Москвина в роли ограниченного, отставшего от времени Горлова («Фронт»),—и вы увидите, с каким неподражаемым совершенством, безукоризненно, всесторонне вылепив «негативный» человеческий характер, артисты МХАТ выявляют самое существенное, самое опасное, самое ненавистное в нем.

Да, глубоко человечное искусство Художественного театра вместе с оптимизмом приобрело и пафос отрицания, силу ненависти, пламя гнева. Горький прекрасно говорил о мощной творческой энергии гуманизма Маркса и Ленина, который «требует неугасимой ненависти к мещанству, ...ненависти ко всему, что заставляет страдать, ко всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей».

Сегодня гуманизм Художественного театра именно таков. И потому есть вполне понятная закономерность в том, что в ряду классических спектаклей — истинных шедевров советского Художественного театра, таких, как «Горячее сердце», «Женитьба Фигаро», «Воскресение», «Анна Каренина», «Три сестры»,—выделяется замечательная постановка «Врагов» Горького, родоначальника советской драматургии, чье имя с гордостью носит Художественный театр. В этом спектакле органичность, неотразимая правдивость и психологическая глубина актерской игры не только не мешают, но, несомненно, помогают театру ясно выявить любовь или гнев, восторг или ненависть по отношению к каждому персонажу.

Перечень советских драматургов, чьи пьесы были поставлены Художественным театром, довольно велик. Вс. Иванов, К. Тренев, Л. Леонов, А. Афиногенов, В. Катаев, А. Корнейчук, Н. Погодин, К. Симонов, Н. Вирта, А. Крон, Б. Чирсков, С. Маршак — можно назвать еще ряд фамилий. Мы знаем, однако, театры, которые могут составить более длинные списки своих авторов. Художественный театр требователен и строг. Как правило, на его подмостки попадает лишь пьеса, действительно насыщенная живыми наблюдениями, сосредоточивающая в себе полноценные человеческие характеры. И, как правило, которое не знает исключений, Художественный театр извлекает, воплощает в актерской игре все ценное, все правдивое, все человеческое, что только содержится в драме.

Эта взыскательность, вдумчивость, требование глубины психологического анализа идет от подлинного советского гуманизма, от великой любви и великого гнева театра — коллективного художника, знающего, что в искусстве возвеличивать и убивать может одна только правда.

Живое искусство театра может развиваться и цвести только в непосредственном, постоянном контакте с современностью. Пятьдесят лет пути МХАТ доказывают это. Если бы искусство Художественного театра не обрело революционной активности, целеустремленности, пафоса в отрицании старого, горячей страсти в утверждении нового, оно было бы прежде всего далеко от современности, от боевого духа советских людей, активных преобразователей мира. Но МХАТ нашел себя в новой жизни, он активен, он уверен в себе, как весь советский народ. Завтрашний день Художественного театра встает перед нами в новых замыслах, в постоянном творческом беспокойстве, в страстном стремлении к искусству честному, прямому, энергичному — советскому реалистическому искусству, горизонты которого безграничны, перспективы которого освещены ясным светом идей коммунизма.

СВЕЖЕСТЬ МОЛОДОСТИ, СМЕЛОСТЬ ПРАВДЫ

С. МАРШАК

Люди, принадлежащие к моему поколению, познакомились с Художественным театром в годы своей юности.

Да и театр был тогда еще юным. Молоды были гениальные его создатели и руководители — Станиславский и Немирович-Данченко, а Качалов, которого я впервые увидел в роли Пети Трофимова, навсегда остался у меня в памяти молодым студентом.

Это были годы, предшествовавшие 1905-му, — время роста революционной волны. На под'еме этой волны и возник театр, который стал живым выражением наших лучших мыслей, чувств и надежд. Мы полюбили в нем свежесть молодости, смелость правды, честную требовательность подлинного искусства.

Художественному театру нужны были не поставщики ходких пьес, не драмоделы по заказу, а идейные драматурги, вдохновенные писатели. Он широко открыл двери тем, кто умел говорить правду и смотреть вперед, — Чехову и Горькому.

Боевым манифестом прозвучали с его сцены слова Горького:

— Человек! Это звучит гордо!

— ...В карете прошлого никуда не уедешь!

С возникновением МХАТ наш театр догнал жизнь и стал вровень с передовой современной литературой.

Недаром молодежь сразу признала МХАТ своим театром и готова была простаивать ночи, чтобы получить билет на его спектакли.

Но настоящей победы, всенародного признания Московский Художественный театр дождался с победой революции. Он стал не только московским, но и всесоюзным театром, школой театров. К его званию прибавилось торжественное слово «академический». Этим термином определялся уровень мастерства, дававший МХАТ права учителя в ряду других театров. Но этот академический театр смело обратился к еще молодым советским писателям, которые чувствовали в сегодняшнем дне дыхание будущего.

Чуть ли не каждый спектакль МХАТ— событие. Верный заветам своих основателей, он бережно, вдумчиво, заботливо готовится всякий раз к своей встрече со зрителем, с народом, то-есть к спектаклю.

Кроме бессчетного множества заслуг МХАТ, у него есть еще одна заслуга, о которой мне хочется сейчас сказать. Он первый создал спектакль, любимый детьми, — глубокий, серьезный, способный жить много лет.

До этого спектакля наши большие театры иногда развлекали детей праздничными утренниками, пользуясь подходящими или неподходящими пьесами из своего репертуара.

Для МХАТ постановка сказки явилась новой и сложной задачей, потребовавшей от всех участников спектакля — от режиссера, актеров, художников, композитора, техников сцены—новых творческих приемов, зрелости и глубины мысли, веселой и затейливой изобретательности.

Великий основатель и руководитель театра, Константин Сергеевич Станиславский работал над сказкой бережно, заботливо и долго. Он был главным режиссером и самым первым юным зрителем этого будущего спектакля.

С любовью обдумывал он каждую мелочь постановки. Обсуждал с актерами всякое слово и движение на сцене, с художниками — малейшую подробность декорации и костюма, с композитором — музыку, сопровождающую действие.

Рассказывают, что у него в театре была особая комната «Синей птицы», куда могли приходить изобретатели и выдумщики, чтобы подсказать театру какую-нибудь интересную затею.

Художественный театр первый сказал устами Станиславского:

«Для детей надо играть так же, как для взрослых, — только лучше».

Эти слова определили путь советского театра для детей, и он уже никогда не свернет в сторону, не откажется от своих больших воспитательных задач.

Пожелаем замечательному Художественному театру еще многих пятидесятилетних и столетних юбилеев, пожелаем, чтобы наши внуки и правнуки приходили в этот театр в пору самой ранней юности и дружили с ним до конца жизни.

Вера СМИРНОВА

ШКОЛА МУЖЕСТВА

На пятнадцатом году мальчик вступает в комсомол.

Годы его пребывания в комсомоле—это годы учения в школе и в вузе, на производстве и в поле; он учится наукам и ремеслу, политике, отваге и честности, учится любить жизнь и труд, быть верным товарищем, бороться с трудностями и отвечать за свои дела и поступки. В эти годы он ищет и выбирает себе дело, учится решать сложные задачи, об'ясняет себе жизнь, готовится к деланию жизни. В эти годы подросток, юноша, молодой человек—самый внимательный, самый требовательный и самый благодарный читатель. Он ищет в писателе друга, в книге хочет найти поэтическое открытие мира, вдохновение, жизнеутверждающую правду, верное решение трудных задач.

На том небольшом участке, который пока отведен ему жизнью, — на школьной парте, в университетской лаборатории, в студенческом общежитии,—он готовит полет в то будущее, хозяином которого должен стать. Он проектирует это будущее и задает себе тысячи вопросов. С того дня, как он научился читать, с первых дней школы,—под рукой у него, с ним рядом всегда были книги, он привык обращаться к ним, и часто они отвечали полнее, складнее и вернее, чем родители и даже учителя. Он кладет перед собою «Краткий курс истории ВКП(б)» и по нему определяет курс будущего своей страны и всего мира. Запоминая стихи поэта, он учится чувствовать—любить и ненавидеть, радоваться, гневаться, проникаться нежностью или гордостью, отвагой и решимостью. Читая роман или повесть, он учится понимать людей, их характеры и взаимоотношения, оценивать события и поступки, приходить к определенным решениям. Переживая с героями литературного произведения их судьбу, становясь на сторону одних, восставая против других, молодой читатель словно обогащается их опытом, вооружается знаниями. Литература учит его жить.

И. естественно, что в каждой книге он ищет прежде всего товарища—кого-то похожего на себя или на того, на кого ему хочется быть похожим. Собою он проверяет героя и героем—себя. Сегодняшнего комсомольца мало тронут страдания молодого Вертера; мучительная, беспокойная скука Печорина чужда нашему школьнику. Овод и Спартак гораздо больше волнуют его и пленяют воображение. Маленький Олежек Кошевой еще в раннем детстве безошибочно выбрал себе в товарищи из двух сыновей Тараса Бульбы—Остапа, того, кто не дрогнул и перед самыми страшными муками не выдал своих. Когда же наш юный читатель получает книгу, в которой встречает своего современника и ровесника, он воспринимает эту встречу необычайно бурно. Если вспомнить тот поистине многомиллионный отклик, который вызвала при своем появлении «Как закалялась сталь» Николая Островского, как быстро стала она любимой книгой нашей молодежи, какое огромное влияние оказала на нее, то с особенной силой ощущаешь все значение литературы в деле коммунистического воспитания молодежи и великую ответственность советского писателя перед молодым своим читателем.

Что же сделала советская литература для молодежи, чем ответила на ее вопросы, кого дала в спутники, в товарищи нашему комсомольцу?

Все мы помним «невидимое» выступление Н. Островского на IX с'езде ЛКСМУ:

«...Я с большой гордостью и радостью снова вхожу на эту, невидимую для меня, трибуну... Сердце радостно стучит, и все мои мысли и чувства устремлены к вам, мои молодые товарищи и соратники. Мое выступление я посвящаю образу молодого человека—девушки и юноши—нашей социалистической родины. Товарищи, жизнь дает каждому человеку огромный, неоценимый дар—молодость, полную сил, юность, полную чаяний, желаний и стремлений к знаниям, к борьбе, полную надежд и упований... Перед нами стоит задача воспитать юношей с мужественным характером, безгранично преданных нашему делу... Товарищи, мужество рождается в борьбе»,—так говорил человек, прикованный к постели, недвижный, не способный пошевельнуться — и ведущий вперед тысячи людей. И зал слушал, замерев, этот молодой голос, полный силы и страсти.

О мужестве, которое воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям, о беспредельном мужестве коммунистов говорят книги Николая Островского, говорит вся наша молодая советская коммунистическая литература.

Наше мужество мы считаем
Самой главной из дисциплин, —

поют студенты-геологи в «Сказке» Михаила Светлова.

Школой мужества является наша литература для молодежи. Мужество нужно не только воину. Врач, который борется за жизнь больного, ученый, исследующий и покоряющий природу, инженер и рабочий, прокладывающие дороги там, где их раньше не было, шахтер, каждый день спускающийся в шахту, учитель, которому вверено юное поколение, рабочий на электростанции, дающий свет в дома и энергию на заводы, крестьянин, который растит и собирает «хлеб наш насущный», и зимовщик-метеоролог, на дальнем севере указывающий путь кораблям и самолетам,— все они мужественно преодолевают все трудности и препятствия повседневной жизни, мужественно отстаивают ведущие идеи времени.

«Образы молодых людей нашей страны, — говорил на IX с'езде ЛКСМУ Николай Островский,—это образы мужественных, жизнерадостных девушек и юношей, знающих, что они являются хозяевами страны, молодыми ее строителями... Эти юноши и девушки мужественны и бесстрашны, безгранично преданы партийному знамени в борьбе за освобождение человечества. Эта молодежь показала героизм труда, невиданный, невозможный при капитализме... Все наши помыслы, все наши мысли — это мирная стройка, это создание коллективного богатства, это поднятие культуры, это строительство, это забота о наших прекрасных детях... Мы стали заветной мечтой всех трудящихся мира».

Так говорил один из лучших комсомольцев старшего поколения, знавший и труд бойца и мирный труд писателя.

Чудесная черта нашей литературы—ее невыдуманность. Лучшие наши книги о героической молодежи страны Советов написаны о живых людях, о героях, подлинно существовавших, о событиях исторических. Павкой Корчагиным назвал своего героя Н. Островский, чтобы свободнее было рассказывать о своем собственном детстве, о своей боевой юности. В других книгах сохранены подлинные имена: «Зоя» у Алигер, «Александр Матросов» у Кирсанова, Алексей Мересьев (Маресьев) в «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого. «Молодая гвардия» А. Фадеева кончается словами: «Вот они, эти имена», и следует длинный перечень имен героев-краснодонцев.

Молодости свойственны жажда деятельности, жажда подвига, стремление вперед, желание славы. Но лучшие книги старой мировой литературы рассказывают нам страшную правду о том, как эти естественные свойства молодого человека либо не могли развиваться, глохли, не находя применения, в мире наживы, либо получали неверное направление и превращались со временем в уродства, характерные для человека старого мира. «Что ж? умереть, так умереть! Потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уже скучно. Я—как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты»,—пишет в своем дневнике Печорин накануне дуэли и спрашивает себя: «Зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необ'ятные... Но я не угадал этого назначения... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться».

Русская литература рассказала нам и о других молодых героях, которые восставали против свинцовых мерзостей жизни, пытались искать пути к перестройству общества на новых справедливых началах. Существовавшие в действительности герои «Былого и дум», Вера Павловна, Рахметов и другие, не удовлетворяясь настоящим, стремились смотреть в будущее. Но это были герои-одиночки, еще только искавшие путей.

Горький смело ввел в русскую литературу представителя нового молодого, сильного и смелого поколения—поколения революционеров, для которых борьба со старым миром, подготовка революции стали целью и смыслом существования.

Сразу после Октября 1917 года молодежь страны Советов получила приказ партии—защищать революцию. Этот приказ с честью выполняли первые комсомольцы в восемнадцатом, девятнадцатом, двадцатом годах. Этот боевой приказ с честью выполнили «младшие богатыри»—комсомольцы недавних грозных военных лет. О том, как молодежь защищала советскую Родину, у нас есть правдивые чистые и гордые книги, написанные с великой нежностью и с великим гневом—заветные книги советской молодежи: «Как закалялась сталь» и «Молодая гвардия». Эти книги вдохновлены комсомолом. В них перекличка поколений, в чем-то похожих и чем-то различных, но единых в готовности стоять на-смерть за советскую власть, за родину, за мир и братство народов, за коммунизм.

И как после первых революционных боев, после военных побед отряды комсомольцев с ходу перешли на фронты первой пятилетки, так и потом, когда еще не успели отгреметь салюты победы над фашистами, наша орденоносная молодежь, оставив оружие, взялась за кирку и молот. Она так же доблестно завоевывает золотую звезду труда — на станке, в поле, в лаборатории, на строительстве городов и заводов, как золотую звезду войны.

И об этом тоже написаны книги—«Флаг над сельсоветом» А. Недогонова, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Счастье» П. Павленко и много других. В каждой из этих книг мы встречаем молодых людей нашей страны, воспитанников комсомола, слышим их быстрые, уверенные шаги, их веселые голоса. Война закалила их, победа окрылила, походы в чужие страны научили еще больше уважать свою родную страну и еще крепче верить в свой народ.

Где-то на окраине советской земли, «Далеко от Москвы» бригада комсомольцев зимой в морозы тянет через тайгу, через дикий глухой лес провода, они живой нитью связывают людей на всей трассе работ,—и вот непроходимый лес становится обжитым и нестрашным, и люди чувствуют, что до Москвы совсем недалеко, что она с ними, в них самих, всегда готовая помочь, поддержать, если надо. Это ощущение единства общих усилий, общего дела, общей победы и общей радости—тоже одна из характерных черт советской литературы. Она говорит о силе.

О молодости же ее свидетельствует лучше всего то ощущение моральной и физической чистоты, которое испытываешь от встречи с молодыми героями нашей литературы—с молодогвардейцами в книге А. Фадеева, с Травкиным в «Звезде» Э. Казакевича, с Алексеем Ковшовым в романе В. Ажаева «Далеко от Москвы», с Сергеем Лагуновым — героем новой книги А. Первенцева «Честь смолоду».

Горький писал когда-то, что «молодость счастлива тем, что у нее есть будущее». В наши дни молодость человека в капиталистических странах полна страха—страха перед своим будущим. Тот, кто боится, не может быть счастлив.

Нашей советской молодежи будущее обеспечено заботой партии и великого Сталина, всеми усилиями советских людей, всем великим и дружным трудом огромной могущественной страны, всем знанием наших ученых, всей фантазией поэтов.

Все дороги ведут к коммунизму, и нынешнему поколению нашей молодежи суждено увидеть его своими глазами, суждено жить в нем.

Задача нашей литературы—показать молодым людям советской страны, что они могут добиться вершин знаний, счастья, славы, но ко всему этому ведет лишь одна дорога — через честный героический труд, только через труд, ставший делом чести, доблести, славы и геройства.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Создание новой природы

Есть короткое слово «эрозия». Оно звучит очень невинно. Трудно предположить, что за ним скрывается зловещее явление природы.

Эрозия—это смерть плодородной земли, лишенной прочности, превращенной в пыль из-за уничтожения лесов и растительности. Это — «черные бури», подымающие на воздух целые материки тучной почвы. Это — жестокие размывы земли талой водой и дождями. Реки быстро мелеют. Каждый ливень вымывает из земли столько питательных веществ, что их хватило бы на выращивание двух-трех урожаев.

Есть простой закон. Он говорит, что уничтожение каждого гектара леса вызывает неизбежную гибель гектара плодородной земли.

Уничтожая леса, люди подрезают самую основу своего существования. Об этом уже давно говорили лучшие представители человечества. С необыкновенной проницательностью эту мысль высказал Энгельс,—мысль о том, что люди, которые уничтожают леса, не подозревают, что они кладут этим начало опустошению земли, лишая ее очагов собирания и хранения влаги.

В природном отношении наш земной шар не является сплошным раем. На земле есть проклятые места. Это — пустыни. Ненависть к пустыням нужно воспитывать у людей с младенческих лет. Ненависть к этим бесплодным землям, к этим смертоносным лишаям, пытающимся наступать на наши богатые области.

Как наступает пустыня? Она обрушивает на нас свои сухие горячие ветры — суховеи. Суховеи несут летучие пески. Раскаленный воздух сжигает на корню хлеба, сушит родники, убивает все живое.

К нам суховей приходит из Закаспийской степи. Сотни лет на юго-востоке страны перегорали от него поля, сотни лет человек ничего не мог противопоставить наступлению пустыни, кроме своего бесплодного гнева и горя. И только сейчас, в нашу необычайную эпоху, человек впервые решил остановить, должен остановить и остановит суховеи и летучие пески, смертоносные для урожаев.

Человек выдвинет против них великие пояса лесов, мощные стены зелени, небывалые заслоны протяжением в тысячи километров. Мы сначала остановим пустыню, а потом начнем наступать на нее. Потому что человек не должен и не смеет терпеть ее рядом с собой. Она должна быть уничтожена ради самой жизни, ради культуры, ради будущего.

Сейчас идут огромные работы по восстановлению всех областей нашего народного хозяйства, разрушенных войной. Но не меньшее значение имеет и восстановление сил природы, подорванных войной.

Леса—это не только украшение земли, ее великолепный и удивительный наряд. И это—не только источник сырья. Леса—это самый верный наш помощник в борьбе за урожай. Они хранят влагу, поддерживают полноводность наших великих рек, смягчают климат, останавливают жаркие ветры и пески. Они являются конденсаторами влаги — росы, тумана, инея. Грунтовые воды в лесах и вблизи лесов стоят гораздо ближе к поверхности, чем в безлесных областях. Леса останавливают рост оврагов.

Но и это не все. Леса — величайшие источники здоровья и вдохновения. Это — исполинские зеленые лаборатории, вырабатывающие кислород, уловители ядовитых газов и пыли.

Чтобы понять, какой мощный заслон против пыли представляют леса, достаточно знать хотя бы, что протяженность хвои только одной старой сосны составляет около 200 километров.

Чехов устами доктора Астрова выразил одну из своих сокровенных и поразительных по меткости мыслей о том, что леса учат человека понимать прекрасное.

Характерно, что даже в очень деловом и очень строгом учебнике лесоводства для студентов наших лесных институтов мы можем прочесть такие замечательные строки: «Нельзя думать, что лес сам по себе может вызвать к жизни могучие идеи, открывающие озаренные новым светом пути. Но история науки, литературы, музыки и живописи показывает, что леса и парки являются чрезвычайно благотворной средой для кристаллизации новых идей и для творчества».

Мы— великая лесная держава. Наша лесная наука — наиболее передовая. Имена таких ученых — знатоков леса, как Тимирязев, Докучаев, Вильямс, говорят сами за себя.

Постановление партии и правительства о полезащитных лесных полосах продолжает ряд не имеющих себе равных в мировой истории работ по пересозданию природы, по изменению географии нашей равнины, по увеличению счастья и богатства страны.

Характерно, что нигде в мире земля так не истощена, как в Америке. Погоня за наживой, за тем, чтобы выжать из земли все соки, привела к тому, что плодородная почва Америки стремительно гибнет из-за истребления лесов. Достаточно привести несколько фактов. Пыльные бури в штате Оклахома подняли за один только день на воздух 300 миллионов тонн плодородной земли и унесли ее за 3000 километров в океан.

В Соединенных Штатах ливни ежегодно смывают в реки столько питательных веществ, что их хватило бы на двадцать богатых урожаев. Во многих штатах миллионы гектаров земли уже превращены в пустыни. Недаром американские лесоводы заговорили о «вечерней заре Америки» и с горечью называют себя «забытыми людьми».

О величии и значении наших работ по созданию лесов нельзя рассказать на нескольких страницах. В этой области мы—не новички. Уже многое сделано. Нет у нас человека, который не был бы взволнован и обрадован этим историческим решением. Многие встретили его как свою личную радость.

Мне хочется поздравить тех из моих товарищей писателей, которые с давних пор «болели» за леса, писали о них, старались передать читателю свою любовь к нашим «зеленым океанам», к нашим лесным богатствам. И, если будет позволено, то немного и самого себя.

Мы идем к совершенной жизни. Думая об этом, я представляю себе человека, который через пески и гари, после изнурительного зноя, обветренный, сожженный солнцем, входит, наконец, в глубину торжественных и тихих лесов, и все его тело охватывает прохладой листвы. Великая сила жизни видна во всем: в колебании вершин, пересвисте птиц, в мягком освещении. А к вечеру, около каких-нибудь лесных вод — темных и глубоких — человек садится у костра, и рядом с ним садится тишина.

Ночь подымается над лесами, полная свежих запахов, смутного света, росы, крика ночных птиц. А впереди — сотни таких ночей, и рассветов, и дней, и вечеров, когда над любимой страной расстилается не то туман, не то дымок костров.

Может быть, об этом и думал Чехов, когда писал о докторе Астрове.

Александр ПИСЬМЕННЫЙ

Надежный щит

Лет пятнадцать назад мне пришлось побывать в совхозе «Гигант». Я помню посеревшие от пыли и зноя горбатые Сальские степи, поникшую под сухими астраханскими ветрами пшеницу на полях, твердое, как камень, полотно грейдера в широких уродливых трещинах. Природа наделила этот край плодороднейшей почвой; природа же истребляла то, что на этой благодатной почве должно было произрасти.

Уже тогда советские люди повели борьбу за уничтожение этого векового противоречия. Трехлетние деревца неуверенно располагались шеренгами вдоль дорог, рассекали поля на квадраты. Но они были еще тонки, призрачны, и в урожайный год совхозная пшеница поднималась выше их мальчишеской поросли. Будущие дубы и вязы тонули в море хлебов.

И мне показались тогда мечтой слова начальника политотдела о том, что агротехники, лесоводы и мелиораторы изменят климат Сальских степей.

В этом году, в начале лета, мне пришлось снова побывать в совхозе «Гигант». Те робкие поросли, которые видел я когда-то, превратились в мощные лесонасаждения, расчертившие поля совхоза. В жаркое утро, когда «паровала» земля, дальние лесополосы точно плыли в знойном воздухе на черте горизонта.

Лесополосы не только оградили посевы от губительных суховеев, но и в союзе с передовой агротехникой подняли урожаи в этом краю. Они вошли в быт края, обогатили опыт сальских хлеборобов.

Лесомелиоратор стал таким же уважаемым человеком в совхозе, как тракторист или комбайнер. Лесополосы, как хлеба, попали под постоянное попечение совхозных руководителей.

Комбайнер одного из отделений совхоза Нестеренко, об'ясняя мне, почему, по его мнению, лесополосы должны быть ветропроницаемыми, говорил так:

— Если лесополоса ветропроницаемая, то снег ложится полого на двести, а то и на триста метров. Иначе собьешь инерционную силу ветра, и снег ляжет сугробами у самой лесополосы, увлажнение будет недостаточным, а при таянии еще вдобавок ветви пообломает... Аккумуляция влаги—главное значение лесополосы.

Он так и говорил: «инерционная сила ветра», «аккумуляция влаги». Эти ученые слова стали в совхозе столь же употребительными, как технические термины: «карбюратор» или «дроссельная заслонка».

Государственный план полезащитных лесонасаждений изменит пейзаж и климат огромной территории. Не только мы сами, прочертив в поезде с севера на юг просторы нашей родины, заметим эти великие изменения. Если бы на другой планете существовал наблюдатель, то и он отметил бы удивительные перемены, происходящие на шестой части земного шара. После возникновения новых морей, каналов, исчезновения пустынь и солончаков, он обнаружил бы через несколько лет ту фантастическую на взгляд, новую зеленую сеть, которую продемонстрировала перед нами опубликованная в газетах карта.

Государственный план лесомелиорации имеет мировое значение. Когда-то русский народ остановил монгольское нашествие на страны Западной Европы. Теперь советский народ великими преобразовательными делами поставит зеленый щит перед суховеями, летящими из глубин Азии. Надо думать, что во всяком случае румынская земля, так часто страдавшая от засухи, так же как Кубань, Украина и Молдавия, почувствует благодетельное влияние советского плана лесомелиорации.

В поистине всемирной деятельности советского народа, из года в год осуществляющего великие предначертания Ленина и Сталина, заключен самый убедительный ответ поджигателям войны. В эпоху, когда силу атома они готовят для истребления народов мира, советские люди приступают к новому величественному делу. Миллионы землепашцев нашей планеты увидят в грандиозном предприятии советского народа еще одно знамение наступающего коммунизма.

Е. ГАБРИЛОВИЧ

Юность мира

«Спускается ночь. Луны нет. Темно. Туман стоит над ущельями. Сырость пронизывает тело. Горы кажутся глухими, пустынными, безлюдными.

Но они не безлюдны. Здесь будущее Греции — ее народ, взявшийся за оружие, чтобы изгнать тиранов и интервентов. Вот по пастушечьим тропам, в тумане и темноте, пробирается небольшой вооруженный отряд. Молодые лица, юные приглушенные голоса. Это — разведчики молодежного батальона одной из частей Демократической армии. Отряд внезапного нападения на врага.

Кто они, эти юноши и девушки, одетые в самые разнообразные одежды? Это—пастухи, рабочие, крестьяне, ремесленники. Многие из них пришли в партизанские отряды несколько лет назад отроками, почти детьми. История их — борьба против итальянских фашистов в Албании в 1940 году, затем борьба против гитлеровцев, затем—против армий Цалдариса—Софулиса. Иные из них не видели своих семей в течение семи-восьми лет. Столько же лет не спали в нормальных условиях, не ели сколько-нибудь сносной пищи...»

Так пишет Эвдос Ионнидис в газете «Драпо руж».

Много раз в братском сотрудничестве с начальником американской военной миссии Ван-Флитом (партизаны зовут его фон-Флитом) разрабатывали греческие монархо-фашисты планы решительного и окончательного наступления на партизан. Много раз с'езжались наблюдатели и корреспонденты, чтобы присутствовать при торжестве об'единенного оружия Цалдариса — Трумэна. И точно, греческая королевская армия имела, казалось бы, все необходимое для победы: тяжелую и легкую артиллерию, танки, «спитфайеры». Партизаны же часто имели лишь винтовки, пулеметы да гранаты.

Но победы не получалось. Получалось нечто совсем обратное. Так, даже сам генерал Ван-Флит, явившийся недавно в город Янину, чтобы отпраздновать «разгром» Демократической армии, был вынужден спешно ретироваться оттуда на самолете, бросив на волю судьбы всю свою свиту в парадных мундирах, — к городу приближались партизаны. Такой авиаоперации американского генерала не предусматривал ни один план, выработанный в Афинах.

«Нас нельзя победить, мы всюду!» — пишет газета «Молодой боец» — орган греческой демократической молодежи. Не помогают американские пушки, бессильны британские «спитфайеры»! Потому что есть силы, которых не сломить ни международным трестам, ни подкупленным афинским прохвостам: воля, стойкость, беззаветное мужество «простых» людей, борющихся за священное право народа быть хозяином своей страны.

Придет время, народ Греции победит. Будут написаны книги о великой борьбе этих рабочих, пастухов, земледельцев, ремесленников, покинувших дом и семью, чтобы сражаться за родину и свободу. И в этих книгах немало страниц будет отведено молодежи Греции: юношам и девушкам из народа, ушедшим в горы вместе с родителями, старшими братьями и сестрами.

Будут написаны книги. Пока же еще эти книги—в записных книжках и дневниках партизан и бойцов, в устных рассказах, идущих от деревни к деревне, от города к городу, на страницах газет.

Вот одна из таких записей в дневнике:

«Одиннадцать молодых бойцов защищали ущелье против целого батальона фашистов. Они сражались два дня и две ночи и сдерживали врага. Четверо были убиты, осталось семеро. Они отступили на вершину горы Пиргос, где продержались еще 24 часа. Осталось трое. Боеприпасы кончались. Тогда эти трое уничтожили свое оружие и бросились в бездну».

Смерть, но не плен!

В Греции есть молодые бойцы, имена которых известны каждому воину Демократической армии, слава которых передается из уст в уста, воспета в стихах партизан и в их песнях.

Одним из таких бойцов была семнадцатилетняя девушка Афина Тоска.

Она пришла к партизанам в январе 1947 года и вступила в роту своего отца, известного под именем капитана Тоска. Она приняла участие более чем в двадцати сражениях. Ее поразительный героизм выделялся даже в этой прославленной роте. При Копано она первая бросилась на вражеские пулеметы, благодаря чему битва была выиграна. При Вермио она была смертельно ранена. Ее последние слова: «Не печальтесь, товарищи, если Афина умрет! Афина умрет, но вы победите!»

Когда она умерла, в ее походном мешке нашли переведенную на греческий язык книгу Николая Островского, брошюры о Матросове, о Зое Космодемьянской. Так подвиги советских комсомольцев рождают сквозь годы подвиги тысяч молодых людей, борющихся в Греции и Испании, в Китае и Индонезии...

Брошюра о молодогвардейцах была спрятана в камере, где томился испанский юноша — коммунист Сугунде Вилабо — партизан четвертой группировки в Галисии. Он писал из тюрьмы за несколько дней до своей гибели:

«Сначала франкисты подвергли меня допросу в течение 14 часов. Допрос сопровождался страшными пытками, после которых я несколько раз терял сознание. Когда я истекал кровью и почти умирал, фалангисты кричали мне: «Пой или мы убьем тебя!» Мой ответ был один: «Вы убьете меня, но испанский народ убить невозможно даже вам, изверги!»... Друзья мои, я не прошу отомстить за меня, я сам значу мало. Отомстите за всех павших в мучениях и страданиях. Пусть Франко узнает на плахе, что значит гнев освобожденного народа. Я посвящаю свои последние слова нашей Пассионарии. 17 декабря 1947 года. Галисия, тюрьма».

Франкисты имеют долголетний палаческий стаж. Они покрыли страну тюрьмами, они могли бы запатентовать целый ряд изобретений в области пыток. В этом разделе фашистской науки они усовершенствовали и модернизировали весьма многое. Создан, например, так называемый «турникет». Пытка на «турникете» заключается в том, что щиколотки ног зажимаются постепенно с такой силой, что ломаются и дробятся кости.

Нет такой провинции в Испании, где бы не действовала знаменитая ХСУ—Федерация об'единенной социалистической молодежи. Члены ХСУ ведут не только вооруженную борьбу против режима Франко, но и выпускают газеты, вывешивают плакаты, распространяют листовки. Выпуск газеты — опасное дело. В Севилье было арестовано и казнено 50 сотрудников подпольной прессы, но выпуск газет «Рабочий мир» и «Молодежь» не прекратился ни на один день.

Франкисты расстреливают и вешают молодежь из ХСУ — для казни достаточна одна лишь принадлежность к этой организации. Если не удается установить эту принадлежность, — арестованных годами держат в тюрьме. Но и в тюрьме молодежь организует тайные политические группы, содействует побегу товарищей,—такие побеги весьма часты. Многие изучают в тюрьме русский язык. В мадридской тюрьме вся молодежь входила в кружки, где изучался русский язык и история Коммунистической партии Советского Союза.

И совершив побег из тюрьмы, эта молодежь вновь вступает в строй, несгибаемая и несокрушимая.

Бессильна фаланга с ее «турникетами» и намыленными веревками перед теми, кто подобно шестнадцатилетней Изабелите Торральдо (которая была подвергнута пытке электрическим током) говорит в лицо палачам:

— Разбейте ваши аппараты! Они не смогут бороться со мной. Я их сильнее!

Великая борьба идет во всем мире, великая битва с силами мрака, реакции, нищеты. Казалось бы, все есть у этих мрачных и черных сил — власть, оружие, армии. Деньги и пушки плывут к ним на помощь из-за океана. К их услугам продажная пресса и купленные по сходной цене министры.

Но борьба продолжается во всех уголках земли. Она кипит в шахтах Франции и в джунглях Индокитая, в селах Маньчжурии и в горах южной Кореи.

Взоры народных бойцов всех стран обращены к нашей Родине, свершающей великое дело строительства коммунизма. Книги о нашем труде, о наших битвах, о наших героях вдохновляют батальоны народной войны в тяжелых сражениях и в суровой походной жизни.

В партизанских лесах и в фашистских тюрьмах из уст в уста передаются рассказы о борьбе советского комсомола, о днях и ночах Днепростроя и Сталинграда. И, затаив дыхание, слушают их молодые бойцы в горах Граммоса и в маньчжурских фанзах.

Вот еще одна выдержка из походного дневника:

«Бедная маньчжурская фанза среди гаоляновых полей — здесь остановился на ночь отряд молодежи народно-освободительной армии. Офицер рассказывает что-то группе вооруженных юношей, сидящих в углу, при свете лампы. О чем он рассказывает? О молодых воинах Сталинграда. Прислушиваюсь. Словно входит в эту маньчжурскую ночь другая, сталинградская ночь, играющая пожарищами, землянка, жаркая печь в углу, сражения, которые длятся неделями, месяцами. Офицер заканчивает. Молодые лица взволнованы, горят глаза. «Еще, еще расскажите!» Офицер продолжает рассказ. Он говорит о гражданской войне в России, о комсомольцах, которые уходили на фронт, о годах восстановления, о Комсомольске, о Магнитострое. Вся история советского комсомола проходит вдруг здесь, в этой маньчжурской фанзе. Уже светает, а рассказ продолжается — молодые бойцы не хотят расходиться. Но вот и время в поход. Все встают. «Да, быть такими, как они! — говорит один из солдат, — но они так сильны духом!» — «Они такие же юноши, как и мы,—говорит другой,—и мы должны так же бороться! Мы должны свершить такие же дела, как они, чтобы другие слушали о нас так, как мы слушаем о русских».

Сердце свободы, счастья и благоденствия всех трудящихся на земле бьется в могучем труде советского комсомола, в каждой книге его и песне. И биению этого сердца отвечают миллионы молодых сердец во всем мире. Миллионы юношей, девушек находят в истории советского комсомола ответ на вопросы о том, как жить и бороться. И идут эти юноши, девушки — юность мира—на великий бой, и ничто не может сломить их. Потому что бессмертны и непобедимы люди, сражающиеся за свободу и счастье угнетенного человека.

Геннадий ФИШ

Таковы пути истории

Перед газетными витринами на улицах толпятся люди, рассматривая свежий номер «Правды» с большой на всю полосу картой. Такие карты в дни Отечественной войны печатались в газетах, чтобы показать, какой большой кусок советской земли освободила от врага Красная Армия. Это были карты наших побед.

Опубликованная сейчас карта с темными резкими полосами, протянувшимися с севера на юг по берегам больших рек, словно нанесенными линиями фронтов, тоже карта нашей победы — сегодняшней и будущей! Решение Совета Министров СССР и Центрального Комитета партии — это генеральный план наступления на засуху, размеченный, продуманный, рассчитанный по годам. План победы великой армии труда, которая только одна имеет право владеть землей.

Государственные лесные защитные полосы, протянувшиеся на тысячи километров вдоль Урала, Волги, Дона, через засушливые Сальские степи. Полезащитные лесные насаждения колхозов. Закрепление и облесение песков полупустынь. Около сорока пяти тысяч новых прудов...

Как изменится пейзаж! Там, где были голые степи, возникнут леса и перелески. О них будут разбиваться опустошительные суховеи. Исчезнут навсегда земляные бури, сносящие верхние слои плодородной почвы. Изменится климат, изменится сама география огромной территории, равной почти всей Европе! И это за жизнь одного поколения. Да что поколение! Сегодняшние пионеры будут еще комсомольцами, когда засуха — этот занесенный над нами бич — станет фактом истории, о котором можно будет узнать только из романов и учебников. Это не мечта увлекшегося литератора, а точный, выверенный по годам план создания 5.709.000 гектаров лесов, которые сегодня только намечены на карте, чтобы завтра уже шуметь своими высокими, приветливыми кронами!

Сотни лет хищнически вырубались леса на берегах рек и пересыхали реки. Сотни лет распахивали степь и из года в год истощали ее люди, не умеющие правильно хозяйствовать. Они знали, что уничтожение лесов ведет к недородам и засухам. Знали, что эрозия почв ведет к бесплодию земли. Знали. Но таковы законы капиталистического общества, что в погоне за сегодняшним рублем, за наживой губятся и красота природная и будущие урожаи, и готовится нищая жизнь для потомков.

Для оправдания всего этого на Западе придуман был «закон убывающего плодородия». Кто попроще, говорил: так от бога положено... А кто пообразованнее: — таков закон природы и экономики.

— Нет такого закона, — сказал и доказал Ленин. — Это все выдумано буржуазными учеными, — говорил он, «чтобы оставить в тени капиталистические препятствия земледельческому прогрессу».

Замечательные русские ученые Докучаев, Костычев, Измаильский предложили прекрасный способ борьбы с засухой — насаждение лесозащитных полос, создание искусственных водоемов.

Нет в природе закона «убывающего плодородия», пришел к выводу крупнейший советский ученый Вильямс, и на основе своей материалистической теории почвоведения создал систему травопольного земледелия, применяя которую, из года в год можно повышать плодородие земли.

Но не было такой силы до советской власти, которая могла бы сочетать науку с практикой на благо народа.

«Если мы будем продолжать так же беззаботно смотреть на прогрессирующие изменения поверхности наших степей, — писал в 1893 году А. Измаильский в своей книге «Как высохла наша степь», — а в связи с этим и на прогрессирующее иссушение степной почвы, то едва ли можно сомневаться, что в сравнительно недалеком будущем наши степи превратятся в бесплодную пустыню».

Прав был Измаильский, поняв уже тогда, что рассчитывать на «частную предприимчивость» нечего. Ведь в США, которые так кичатся своей «частной предприимчивостью», процессы разрушения почв идут с необычайной силой. Недавно в Лондоне выступал с публичной лекцией генеральный директор Организации Об'единенных Наций по вопросам продовольствия и сельского хозяйства Бойд Орр. Он заявил: «Темпы истощения плодородной почвы в США вызывают тревогу. Примерно одна четверть площади, первоначально занятой пахотными землями и пастбищами, уже опустошена в США или серьезно истощена. Каждый год в этой стране уничтожается три миллиона тонн верхних плодородных слоев почвы». А 14 мая этого года орган правительственной партии Великобритании, газета лейбористов «Дейли геральд» писала: «Мы истощаем и обедняем почву, и день расчета близок. Нужны подлинные международные усилия для того, чтобы предотвратить катастрофу...»

Но эти призывы к международной помощи столь же тщетны, как тщетны были призывы Измаильского к земству. Общество, построенное на «частной предприимчивости», может только разрушать землю и ухудшать климат, географию и всю человеческую жизнь. Потому что ни капиталисты, «ни земства, ни царские правительства не могли осуществить тех широких планов реконструкции сельского хозяйства степной полосы в целях борьбы с засухой, какие были необходимы. Для осуществления таких планов нужны иные социально-экономические условия, иная организация труда», — писал Вильямс.

Голос Измаильского был голосом вопиющего в пустыне. Ему вторили мечтатели, подобные чеховскому доктору Астрову, который так же безотзывно, как Измаильский, взывал: «Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразней...» И мечтая о другом, как ему казалось, бесконечно далеком и почти несбыточном времени, он говорил: «Когда я слышу, как шумит молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что, если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я...»

Но не тысяча лет, а всего полвека прошло — и в наших газетах сейчас напечатан не утопический роман, а закон, точное выполнение которого превратит все области нашей страны, страдавшие от засухи, в край устойчивых, высоких и все возрастающих урожаев, в край чудесного климата и прекрасных пейзажей.

И в этом краю благосостояние людей не будет зависеть от случайностей погоды. Большевики строят его на основе выпестованной Сталиным науки Вильямса — Мичурина, а наука — враг случайностей.

Сама возможность появления такого плана говорит о той новой огромной высоте, на которую поднялись социалистическое общество и наука в нашей стране. А выполнение этого плана — процесс построения коммунизма, который из «коммунистического далека» становится нашим завтрашним днем.

Многие из ученых на Западе видят всю губительность современной капиталистической системы земледелия для плодородия земли. Закрывая глаза на социальные причины этого явления, они уверяют, что все зло в механизации и химизации сельского хозяйства. Их теории зовут назад, к библейскому земледелию. Они идеализируют мелкое индивидуальное хозяйство — без машин и химических удобрений. Они создали реакционную лженауку — «агротеософию».

В нашей стране умело используется все полезное, что дают механизация и химизация. Колхоз — не изолированный цех, производящий монокультуру и превращающий земледельца в придаток к машине, как это неизбежно бывает в крупном капиталистическом сельском хозяйстве. При травопольной системе земледелия, предложенной Вильямсом и отныне ставшей законом для советского сельского хозяйства, структура почв восстанавливается и непрерывно улучшается введением правильного севооборота, посевом многолетних трав.

Многолетние травы — это прекрасный корм, дающий возможность развивать животноводство. Развитое животноводство дает возможность вносить в почву вместе с минеральными удобрениями и органические, необходимые для плодородия. И строя так, в соответствии с наукой, свое хозяйство, колхоз становится полнокровным организмом с широким комплексом сельскохозяйственных работ, оставляя людям всю поэзию земледельческого труда, его творческую радость, о которых так прекрасно писал Глеб Успенский. И эта творческая радость только углубляется познанием законов науки!

Вот почему, вопреки сопротивлению тех, кто до недавнего времени пытался «опровергнуть» вильямсовское учение, передовые агрономы и ученые ввели комплекс Докучаева — Вильямса на своих полях. И теперь благодаря многолетним трудам колхозников, агрономов, ученых, партийных работников Сальского района, Деминской МТС, «Каменной степи», совхозов «Гигант», «Кубань», «Канаш» и многих других, из года в год дающих все повышающийся урожай и с честью выдержавших испытания засухи 1946 года, «спорная» для некоторых теория Вильямса стала бесспорной для всех, кто заинтересован в расцвете нашей Родины!

И сегодня, в эти вдохновляющие дни, мы вспоминаем энтузиастов травопольного земледелия горячим словом благодарности! Вспоминаем мичуринцев, возглавляемых Т. Д. Лысенко, труды которого об'единили вильямсовское учение с мичуринским. Предложенные Лысенко гнездовые посадки леса в десятки раз удешевляют стоимость лесонасаждений и убыстряют их темпы. Его работы с люцерной и клевером дают возможность преодолеть узкое место — острую нехватку семян многолетних трав.

Вспоминаем сегодня и работников Госплана, составлявших этот замечательный документ, и тех, кто сейчас уже занят на полях благородным делом лесонасаждения. Голоса их доносятся к нам с Украины, где Паша Ангелина снова вызвала на соревнование всех трактористов — быть запевалами, застрельщиками в этом поистине народном деле!

Потомство будет благодарно нашему поколению за великие дела, потому что нелегкий это план и немало придется потрудиться, чтобы он стал осуществленной реальностью.

Этот великий план наступления вынашивал в сердце своем наш Сталин еще четверть века назад, когда в двадцать четвертом году, радуясь тому, что на борьбу с засухой советская страна может выделить уже миллионов пятнадцать-двадцать рублей, он писал Демьяну Бедному: «Бич засухи, оказывается, необходим для того, чтобы поднять сельское хозяйство на высшую ступень и застраховать нашу страну от случайностей погоды навсегда. Колчак научил нас строить пехоту, Деникин — строить конницу, засуха учит строить сельское хозяйство. Таковы пути истории. И в этом нет ничего неестественного...» Этот величественный план Сталин, наверное, уже продумывал и тогда, когда выступал с докладом на XVII с'езде партии, намечая пути развития нашего сельского хозяйства. Ныне сталинский план — достояние народа, руководство к действию миллионов людей, борющихся за изобилие!

Написанный скупым деловым языком, этот документ сталинской эпохи, о котором будут сложены стихи и поэмы, романы и пьесы, с новой, явственной силой подтверждает истинность марксистской науки, еще 70 лет назад утверждавшей устами Энгельса, что «люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся тем самым господами природы».

Героизм патриотов Греции

В июне этого года греческие монархо-фашисты совершили очередное злодеяние — после жалкой комедии суда они приговорили к смертной казни двадцать молодых патриотов, виновных лишь в любви к своей родине. А по изуверским понятиям ищеек Цалдариса и Софулиса, беспрекословно выполняющих волю своих англо-американских хозяев, это — тягчайшее преступление.

Среди казненных были два талантливых представителя демократической греческой интеллигенции — поэт Димитрий Лагос и молодой ученый Кристос Карамбелас. Их друзья, оставшиеся на свободе, сообщили в редакцию французской прогрессивной газеты «Леттр Франсез» о некоторых обстоятельствах гибели патриотов и переслали предсмертное письмо Карамбеласа. Ниже мы публикуем эти материалы.

Преступление это совершено в Афинах 25 июня. Суд вынес решение о расстреле двадцати молодых греческих патриотов, не имея никаких доказательств их виновности. Всем им было пред'явлено ложное обвинение в «саботаже против королевского флота». Оно не имело под собой никакой почвы, но о большинстве обвиняемых было известно, что они по своим убеждениям республиканцы и антифашисты. И этого оказалось достаточным.

«Судил» их чрезвычайный военный трибунал, состоявший из пяти членов, специально отобранных из среды офицеров-фашистов, отличавшихся зверскими преследованиями демократических сил Греции.

Все судьи были единодушны в своей ненависти ко всякому проявлению прогрессивной мысли. Председатель суда так прямо и заявил: «Нужно уничтожить всех интеллигентов! Это они угрожают существующему строю».

В зал суда ввели совершенно больных людей, падавших с ног от истощения, харкавших кровью. После пыток и пятимесячного заключения в тюрьме на острове Пситалия их было трудно узнать.

Председатель суда спросил Димитрия Лагоса, осуждает ли он партизан. Поэт ответил:

— В течение всей моей жизни я признавал одну лишь правду и воспевал ее в своих поэмах так же, как я воспевал свою родину...

Вне себя от ярости председатель вскричал:

— Будь я проклят, если не отправлю тебя на эшафот!

Лагос на это сказал:

—Я сумею умереть, как подобает греку.

Димитрий Лагос, уроженец Эолии (Малая Азия), погиб в возрасте 38 лет. В черные годы фашистской оккупации он опубликовал в подполье сборник стихов («1944 год», «Между да и нет», «Огонь и его ароматы» и другие).

Лакедемонец Кристос Карамбелас был убит палачами, когда ему было 29 лет. Он изучал экономические науки и, находясь в подполье, работал с группой студентов над вопросами социологии. Он опубликовал несколько трудов, в том числе: «Проблемы экономики», «Тенденции современной экономической теории», «От Рикардо до Маркса». Карамбелас подготовлял к печати другие произведения, как, например: «Этнологические этюды», «Замечания по поводу происхождения семьи», «Музыка древних и фригийская флейта». Трудно передать, какую тяжелую потерю понесла в его лице молодая греческая наука!

Во время процесса, несмотря на перенесенные им страдания, Карамбелас держал себя мужественно и спокойно, что еще больше разжигало злобу фашистских палачей. Они не могли ему простить того, что Карамбелас учил своих товарищей по заключению не только точным наукам, но и умению мужественно и твердо отстаивать свои убеждения перед лицом смертельной угрозы.

Мы препровождаем вам письмо Карамбеласа, написанное им в тюрьме за два месяца до казни и обращенное к друзьям. Вот это письмо:

«Как ни невыносима окружающая меня действительность, моя мысль в эти дни постоянно стремится вырваться из цепей... Я всегда чувствую глубокое удовлетворение, когда мысленно вырываюсь отсюда, ибо я тесно связан с жизнью и со всем, что люблю.

... Прошлое сливается в любой момент с настоящим. Я получаю дары прошлого и всего мною пережитого по сей день и одновременно уверенно шествую вперед к будущему...

Не думайте, что я предаюсь тоске. Напротив, я радуюсь жизни и хочу, чтобы вы верили, что я сейчас счастлив. Я словно прохожу процесс внутреннего очищения, который придает всему ореол благородства, как того требует достоинство человека. Мне хочется верить, что человек сохраняет свое достоинство при всех обстоятельствах. И так как я также человек, то я уверен в себе.

Я шлю вам свои лучшие пожелания и желаю от всего сердца радостной жизни».

В трущобах Глазго

На южном берегу многоводного Клайда, в Глазго, есть избирательный округ Горбалс.

В высоких, темных разрушающихся домах Горбалса ютится, в невероятной тесноте множество жителей. Население Горбалса составляет 85 тысяч. «Если снести эти многоквартирные дома, большинство из которых вполне заслуживает этого,—пишет Камингс в газете «Ньюс кроникл», — население их, при существующем темпе жилищного строительства, до конца дней своих останется бездомным.

Около 15.000 из 19.000 этих душных, полуразрушенных «жилищ» состоит из одной или двух комнат, населенных семьями, численностью от четырех-пяти до двенадцати или тринадцати человек. Это является причиной того, что детская смертность достигает здесь тридцати процентов, а процент больных туберкулезом выше, чем в подвалах разрушенного войной Гамбурга».

Кладбище в Ратерглен Роуд — единственное зеленое место игр для детей Горбалса. Шокированное этим похоронное общество наняло специального человека, в обязанности которого входит не допускать туда детей.

«В одной статье невозможно дать подробный отчет о трущобах Горбалса», — пишет Камингс. Наиболее характерным примером, по его мнению, является история Артура Форбса, проживающего на Маффат-стрит.

Форбс — клепальщик средних лет. Он участвовал в работах по строительству известных судов «Куин Мэри» и «Куин Элизабет». С работы он возвращается в свою двухкомнатную квартиру, к жене и одиннадцати ребятам, ночью. Двенадцатый ребенок скоро должен появиться на свет. Пятеро мальчиков и две девочки спят в двух кроватях в клетушке, размером не больше маленькой ванной комнаты. Остальные ютятся в маленькой кухне, потолок которой грозит обвалиться. Клепальщик ремонтировал помещение, но это мало помогло — дом слишком ветхий и гнилой. Только один мальчик — жертва детского паралича — спит в отдельной постели.

Аналогичную историю с небольшими вариантами можно услышать от сотен людей. Трущобы Горбалса еще страшней трущоб соседнего, расположенного по ту сторону реки, района Глазго.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В защиту института им. В. И. Сурикова

Этим письмом мы выступаем в защиту одного из столичных высших учебных заведений — Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова.

Наследник бывшего Московского училища живописи, ваяния и зодчества—этот институт является одним из старейших художественных вузов нашей страны. За сто пять лет его существования в его мастерских получили образование Перов, Саврасов, Поленов, В. и А. Васнецовы, Левитан, Коровин, Архипов, Нестеров; здесь преподавали Прянишников, Савицкий, Серов; отсюда вышли ведущие мастера советского искусства — Юон, Бакшеев, Бялыницкий-Бируля, А. Герасимов, Иогансон и другие. Казалось бы, такой художественный вуз, с такими крепкими и жизненными традициями имеет все права на достойное существование. Однако...

Четыре факультета: живописный, графический, скульптурный, театрально-декоративный; около пятисот студентов, молодых одаренных людей, собравшихся со всех концов страны; отличный преподавательский персонал — не имеют возможности развернуть сложную работу воспитания кадров искусства из-за отсутствия у института мало-мальски пригодного помещения.

До войны институт располагал большими и специально оборудованными помещениями на улице Кирова и на Рождественке (ныне улица Жданова). Сейчас же в здании на улице Кирова у Художественного института осталось всего лишь несколько комнат, в которых находятся графический факультет и библиотека, насчитывающая 18.000 томов; все остальные комнаты заняты посторонними организациями. Помещение на Рождественке занято Министерством высшего образования СССР.

Дирекция Художественного института и часть живописного факультета ютятся в качестве бедных родственников на Собачьей площадке, во временно предоставленных им комнатах оперной студии им. Чайковского. Другая часть живописного факультета пользуется временным гостеприимством во Всехсвятском. Наконец, скульптурный факультет пребывает на улице Фрунзе: будущие скульпторы работают в невыносимой тесноте в нескольких комнатушках бывшего барака.

Нетрудно понять, что при таком положении Художественный институт ведет занятия по урезанной программе, оставляющей немалые пробелы в познаниях студентов по специальным предметам: нет возможности вести занятия по фресковой живописи, ваянию на мраморе, граните и дереве, обучать студентов формовке, заниматься изучением грунтов для картин, анализом различных художественных материалов.

Студенты института после занятий в одном помещении для слушания теоретических дисциплин выезжают в другую часть города, а для получения книг из институтской библиотеки отправляются в третье место — на улицу Кирова. Занятия происходят в полутемных клетушках вместо светлых мастерских.

Мы обращаемся к министру высшего образования тов. Кафтанову, к председателю Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР тов. Лебедеву и к президенту Академии художеств СССР тов. Герасимову с решительным требованием покончить с тем недостойным положением, в котором находится Московский государственный художественный институт, носящий славное имя В. И. Сурикова.

Л. ЛЕОНОВ, И. СЕЛЬВИНСКИЙ, С. ЩИПАЧЕВ. Вс. ИВАНОВ, В. ЯКОВЛЕВ, В. ЕФАНОВ, С. МЕРКУРОВ, Г. САВИЦКИЙ, И. ПАВЛОВ, М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ.

Из зала Генеральной Ассамблеи

Г. ПЕТРОВ

Сговор агрессоров

За последние недели в здании французского министерства иностранных дел на Кэ д'Орсэ особенно многолюдно.

Заискивающий Робер Шуман, возглавляющий ныне французскую дипломатию, то и дело расшаркивается то перед долговязым Маршаллом, то перед грузным Бевином, которые приезжают сюда для выработки различных дипломатических комбинаций, сколачивания блоков и подготовки пактов, для той закулисной деятельности, которая прикрывается ныне миролюбивыми фразами с трибуны Генеральной Ассамблеи.

Вчера Париж был свидетелем позорного провала в Совете Безопасности берлинской комедии, которая также готовилась на Кэ д'Орсэ Маршаллом, Бевином и Шуманом. В тот же день здесь открылось совещание министров иностранных дел пяти стран— Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга, подписавших в апреле этого года так называемый брюссельский пакт.

Не впервые будущие агрессоры рядятся в тогу обороняющихся миротворцев. Это старая жульническая уловка: когда вор кричит — «держи вора». Именно так звучат последние речи англо-американских делегатов на Генеральной Ассамблее, в которых они пытаются раздуть шум об «угрозе с Востока». В этом духе вопят и Черчилль и Спаак.

Как известно, брюссельский пакт, или, как теперь его называют, «западный союз», был заключен также под видом оборонительного. Однако тщетно было бы искать в этом пакте статьи, направленные, например, против возрождения германской агрессии. Таких статей нет и в помине. От кого же, в таком случае, собираются обороняться Англия, Франция и Бенилюкс?

Как теперь уже откровенно пишет европейская и американская печать, западный блок направлен против Советского Союза и стран новой демократии. Слова об «обороне» нужны лишь для маскировки, для сокрытия истинных целей этого западного блока. В действительности западный союз явился первым из агрессивных блоков, сколоченных в послевоенный период под руководством англо-американских милитаристских кругов.

Идеологи западного союза наперебой стремятся обосновать его «теоретическую» базу. Одни говорят, что нужно заполнить вакуум, образовавшийся в Европе после второй мировой войны. Другие называют целью этого блока «установление равновесия сил в Европе». Однако в этом деле всех обскакали английские лейбористы. Разосланная 20 октября для опубликования в печати брошюра отдела пропаганды лейбористской партии под названием «Обеими ногами на земле» целиком посвящена западному союзу.

Поскольку это чтиво предназначено для массового употребления, оно составлено с учетом психологии рядового англичанина, которого лейбористам становится все труднее и труднее водить за нос. В этой брошюре во всеуслышание говорится, что ближайшими целями западного союза будто бы являются «экономическая независимость от Америки и политическая безопасность против России». В этой фразе характерен не антисоветский бред, который уже стал непременной приправой всех речей лейбористских крикунов, а небывалая дерзость лейбористских пропагандистов, осмелившихся лягнуть своего заокеанского коллегу, имя которого присвоено так называемому плану экономического восстановления Европы. Видимо, насолил им пресловутый «план Маршалла», если без такого хотя бы легкого антиамериканского щебетания не подступишься к рядовому англичанину...

Однако, сорвавшись на такой дерзкий тон, лейбористские авторы немедленно берут себя в руки и запевают гимн американской политике в Западной Европе. Повествуя, что «Америка постоянно настаивала на том, чтобы европейские страны сообща создали новый и независимый третий центр могущества», лейбористская брошюрка старается доказать, что политика США в Европе отнюдь не является империалистической.

Нет необходимости анализировать подобные доводы лейбористских теоретиков. Ясно, что они пытаются оправдать всякими благовидными причинами создание западного агрессивного блока и ту руководящую роль, которую играют в этом деле реакционные круги США. А об агрессивной направленности этого блока говорит откровенное заявление авторов упомянутой брошюры о том, что включение Западной Германии в западный союз рассматривается как «единственный шанс на разрешение германской проблемы». Речь идет не о союзе против возможной германской агрессии, а об агрессивном блоке с включением в него Западной Германии.

Факты последних месяцев и дней говорят, что западный союз далеко не платоническое соглашение. Как пишет Пертинакс во «Франс суар» от 25 октября, в настоящее время функционируют различные многочисленные военные и политические органы, созданные западным блоком. Это совет обороны, где заседают пять военных министров; политический комитет послов, собирающийся еженедельно в Лондоне; постоянный военный комитет; комитет руководителей главных штабов. К этому Пертинакс добавляет все тайные сборища главнокомандующих в западных зонах оккупации Германии. Как видно, дело обстоит не так идиллически, как это хотел представить английский делегат Макнейл.

Что касается совещания пяти министров иностранных дел, происходящего сейчас в Париже, то об этом опубликованы лишь первые скупые сообщения. Однако и по этим заметкам и комментариям можно судить о том, что волнует сейчас заправил западного блока. Как пишет тот же Пертинакс, дело, оказывается, в том, что «западный союз пока что только тень, ищущая свое физическое тело. — Дело, — продолжает Пертинакс, — не будет продвигаться вплоть до того момента, как США будут связаны с западным союзом не только формальными обязательствами, но и программой военного снаряжения и совместно выработанной стратегией».

На помощь Пертинаксу приходит американская печать. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» уже не в первый раз твердит, что с атомной бомбой далеко не уедешь и что пора заняться европейскими делами всерьез, если США хотят занять в Европе господствующее политико-стратегическое положение.

Именно этот вопрос — как лучше и крепче запрячь Западную Европу в колесницу американского милитаризма, и будут обсуждать пять министров иностранных дел.

Если европейская реакционная пресса пока ограничивается робкими пожеланиями в отношении создания атлантического союза, то американская монополизированная печать обсуждает этот вопрос деловым и циничным языком поджигателей войны. Так, еще 5 октября вашингтонский корреспондент газеты «Уолл-стрит джорнэл» писал, что сотрудники государственного департамента совместно с военными в настоящее время подготовляют для внесения в конгресс законопроект, который будет не только предусматривать отправку военных материалов Западной Европе по «ленд-лизу», но в действительности создаст военный союз между Соединенными Штатами, Канадой и странами Западной Европы.

Сообщение парижской газеты «Монд» от 18 октября подтверждает высказывания «Уолл-стрит джорнэл». В заметке, опубликованной в «Монд», говорится, что «военно-геополитический план», намеченный Маршаллом, требует «заключения северо-атлантического союза, включающего США и Канаду по одну сторону океана и Норвегию, Великобританию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Францию и Португалию — по другую.

Одной из основных частей этого плана будет поставка Соединенными Штатами оружия Западной Европе». Деголлевская газета «Се матэн ле пэи» сообщает, что в Вашингтоне разрабатывается координационный план для финансирования перевооружения западноевропейских армий. Для этой цели американские агрессивные круги и хотят приспособить систему «ленд-лиза», которая в совокупности с планом Маршалла окончательно зажмет Западную Европу в тиски американского владычества.

Итак, от западного союза — к атлантическому пакту. Таков план об'единения агрессивных сил, проводимый сейчас милитаристскими кругами США, Англии, Франции. Как сообщает газета «Се суар», в связи с созданием атлантического союза, оформление которого будет осуществлено лишь после президентских выборов, дабы не возмутить американских избирателей, правительство США намечает: «1) Поставить вооружение и материалы для воздушных, морских и наземных сил пяти стран европейского Запада. 2) Стандартизировать свое снаряжение, вооружение и всякую промышленность. 3) Создать единое военное командование, возглавляемое верховным американским командованием».

Эти три пункта дополняются еще одним, не менее значительным. Он облечен в витиеватую форму и называется «возмещением». Каково же это «возмещение», которое должны сделать западноевропейские страны своему заокеанскому властелину? Газета «Се суар», ссылаясь на американское агентство Ассошиэйтед Пресс, пишет, что в обмен на предоставляемую «помощь» США «должны получать право организации авиационных, морских и наземных баз в каждой из пяти стран». Таким образом, «фикция, заключавшаяся в разговорах о «западной» обороне, оставлена. Для Соединенных Штатов вопрос идет о получении стратегических баз».

В 1941 году, семь лет тому назад, по инициативе США и Англии была подписана Атлантическая хартия. Были произнесены громкие слова о мире и безопасности народов. США и Англия торжественно обещали принять все меры для облегчения бремени вооружений, обеспечения длительного мира и сотрудничества народов. Теперь же, вопреки торжественным обещаниям, готовится атлантический блок, блок агрессоров.

Возня, поднятая вокруг атлантического пакта, проливает свет на то, почему англо-американские круги на Генеральной Ассамблее так яростно сопротивляются принятию советских предложений о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений. Миллионы простых людей мира могут теперь понять, чего стоят лицемерные речи о мире в устах англо-американских дипломатов и их приспешников и кто отстаивает действительный мир, о котором мечтают все народы.

ПАРИЖ, 26 октября. (По телеграфу).

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МЧТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60 02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 02191.